

212905
с прил. 101.

12.

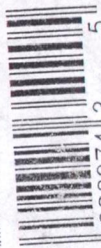
В. В. О. Ш.

ВОСПОМИНАНИЯ

(ВОЙНА 1914-1918 гг.)

V.N. KARAZNE UKRAIN NATIONAL UNIVERSITY

0 008374 3 5

1989

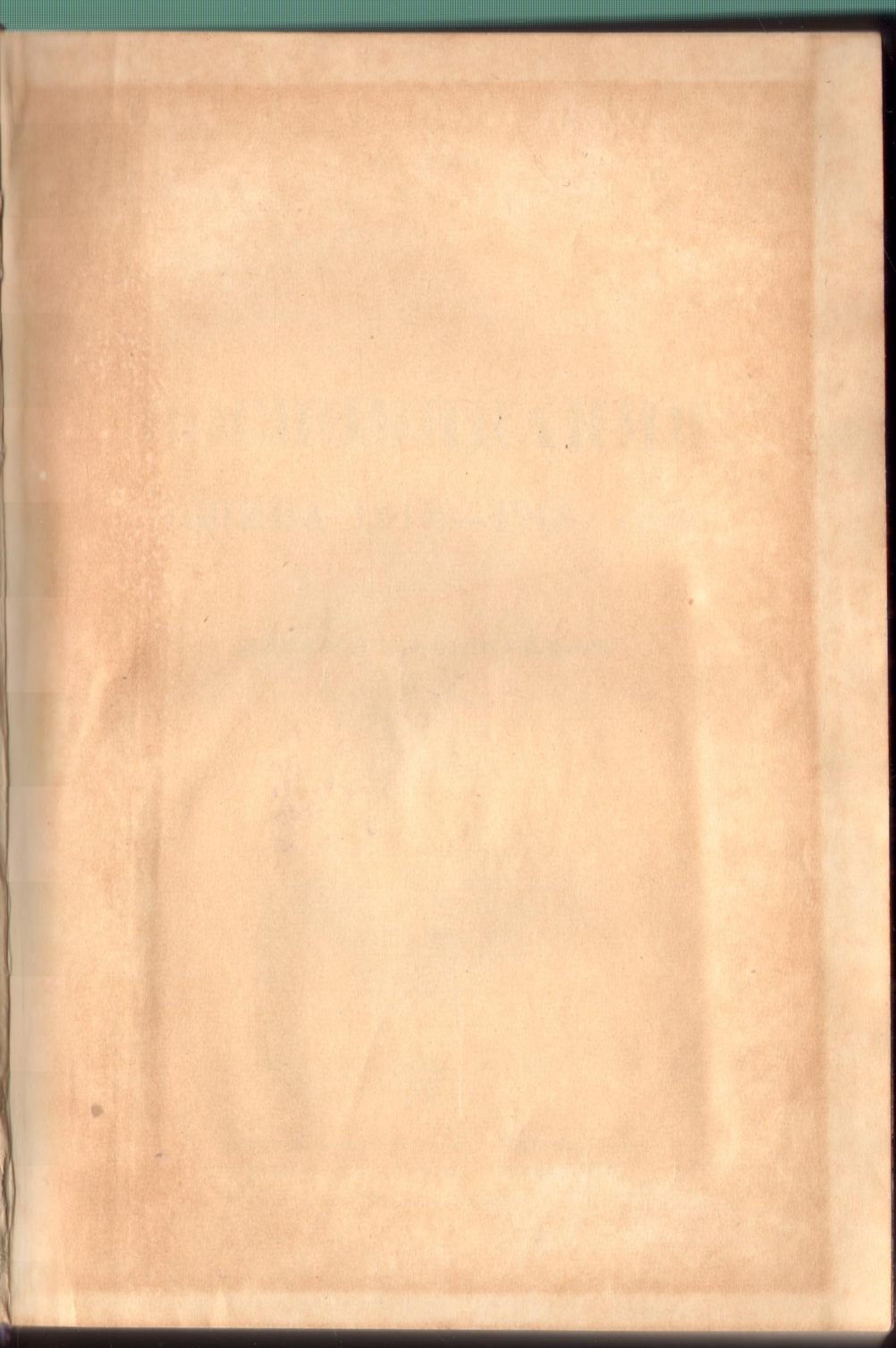
№ 16p.

✓ 2 6 8

1800
BOCHOTA
1800

g (44) b

355-48.1

В кн. 5 в. и. и прил.
2 карт.

Ф. ФОШ

ВОСПОМИНАНИЯ

(ВОЙНА 1914 — 1918 гг.)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1939

64

Ф. Фош. „Воспоминания (Война 1914—1918 гг.)“

Книга является изложением воспоминаний боевых действий на Западном фронте мировой войны, которыми руководил непосредственно Фош в качестве командира корпуса в Лотарингии, командующего группой и армией в Марнском сражении, помощника главнокомандующего по северному участку Западного фронта и главнокомандующего всеми вооруженными силами Антанты.

Книга рассчитана на командный и начальствующий состав РККА.

ВОСПОМИНАНИЯ

(Война 1914—1918 гг.)

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

82

Издательство Министерства Обороны СССР

Москва — 1979

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства	5
---------------------------	---

ТОМ ПЕРВЫЙ

От автора	11
Введение	22

Часть первая

20-й армейский корпус (25 июля—28 августа 1914 г.)	33
Глава первая. 20-й армейский корпус в прикрытии (25 июля—13 августа 1914 г.)	—
Глава вторая. 20-й корпус при наступлении в Лотарингии. Сражение под Моранжем (14—20 августа 1914 г.)	40
Глава третья. 20-й корпус во время отхода за Мёрт и контрнаступления (21—28 августа 1914 г.)	57

Часть вторая

Командование 9-й армией (29 августа—4 октября 1914 г.)	65
Глава первая. Отступление	—
Глава вторая. Сражение на Марне	82
Глава третья. Конец сражения и преследование (10—12 сентября)	102
Глава четвертая. Остановка	111

Часть третья

Сражение во Фландрии	124
Глава первая. Операция на севере	—
Глава вторая. Сражение на Изере	144
Глава третья. Сражение под Ипром	150
Глава четвертая. События на остальном фронте северных армий (17 октября—20 ноября)	169
Глава пятая. Общий взгляд на сражение во Фландрии	172

Глава шестая. Первые попытки союзников прорвать германский укрепленный фронт. Перегруппировка союзных сил во Фландрии (декабрь 1914 г.—апрель 1915 г.)	182
--	-----

ТОМ ВТОРОЙ

От французского издателя	197
------------------------------------	-----

Часть четвертая

Главное командование союзными армиями	229
Глава первая. Германское наступление 21 марта и соглашение в Дулане	—
Глава вторая. Первые мероприятия командования	243
Глава третья. Соглашение с Бовэ	251
Глава четвертая. Восстановление положения союзников на Сомме и германский удар во Фландрии	256
Глава пятая. Вопрос о численности союзных армий во Франции	276
Глава шестая. Германское наступление от Реймса до Мондидье (27 мая — 13 июня)	281
Глава седьмая. В ожидании (13 июня — 15 июля)	299
Глава восьмая. Второе сражение на Марне	316
Глава девятая. Записка от 24 июля	331
Глава десятая. Частные наступления союзников (август—сентябрь 1918 г.)	336
Глава одиннадцатая. Общее наступление союзных армий (с 26 сентября по 15 октября)	359
Глава двенадцатая. Проблемы численности, военной промышленности и сообщений осенью 1918 г.	374
Глава тринадцатая. Общее наступление союзных армий (с 15 октября по 11 ноября 1918 г.)	379
Глава четырнадцатая. Перемирие	399
Глава пятнадцатая. Марш на Рейн	425

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Изучая историю первой мировой империалистической войны, мы находим в литературе часто различное объяснение отдельных ее событий. Исследователю чрезвычайно важно познакомиться с точкой зрения лиц, непосредственно руководивших операциями. Ведь они принимали решения, они прилагали усилия к выполнению этих решений. Снижает ценность подобных «показаний» и приводит иногда к сознательному искажению фактов стремление того или другого полководца, военачальника оправдать свои действия даже тогда, когда эти действия были ошибочными.

Фош сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав, возглавлявшихся Германией.

Занимая высокие командные посты, будучи главнокомандующим всеми вооруженными силами союзных армий, Фош оценивал силы врага и свои собственные, обстановку в целом и принимал соответствующие решения. Решения, разумеется, не всегда были правильными. Читатель легко увидит, что в тех случаях, когда неудача являлась следствием неправильного решения, неправильной оценки соотношения сил, Фош в своих воспоминаниях старается упомянуть об этом лишь вскользь и быстро переходит к другим вопросам.

В смысле исторической объективности воспоминания Фоша не отличаются от остальной буржуазной мемуарной литературы о войне 1914—1918 гг. Фош являлся представителем французских господствующих классов и, рассматривая войну с их позиций, крайне неуклюже старался скрыть ошибки, допущенные французской буржуазией в подготовке материальных средств, необходимых для ведения длительной войны. Он также скрывает методы, применявшиеся буржуазией и ее агентами, социал-шовинистами, для обмана широких трудящихся масс.

В повествовании Фоша не видно французского солдата, его жертв и переживаний. О расстрелах восставших французских

солдат Фош не обмолвился ни одним словом. О лишениях французского народа, об империалистических целях этой несправедливой войны Фош, конечно, умалчивает. Довольно откровенно и цинично признавая факт организации им, Фошем, интервенции против Советской России, он не обмолвился в своих воспоминаниях о революционизировании французских солдат и моряков, посланных Антантой для подавления молодой Советской республики.

Фош не скупится в своих воспоминаниях на дифирамбы по адресу политических деятелей Франции, Англии, Америки, Италии и их генералов, в том числе по своему собственному адресу. В своей оценке недостаточной материальной подготовки Франции к войне Фош склонен перекладывать вину с французского генерального штаба на государственных деятелей, которые противопоставили «оборонительную политику» «наступательной доктрине» генерального штаба. Этим он пытается доказать, что Франция вообще не была готова к войне или что война застала ее врасплох. И то и другое противоречит историческим фактам.

Все крупные империалистические державы готовились к мировой войне давно.

«...Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго готовилась всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран.

В особенности же эта война готовилась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой...

...Империалистическая война готовилась буржуазией в глубокой тайне от своих народов. Когда война разразилась, каждое империалистическое правительство старалось доказать, что не оно напало на соседей, а на него напали. Буржуазия обманывала народ, скрывая истинные цели войны, ее империалистический, захватнический характер. Каждое империалистическое правительство заявляло, что война ведется для защиты своей родины». (Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 155—156).

Несмотря на тенденциозность и явно дешевую антигерманскую направленность «Воспоминаний» Фоша, в книге много поучительного по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики и их взаимозависимости.

Проблемы резервов, выбора направления главных ударов в той или иной конкретной обстановке, сосредоточения сил, меры, принимаемые для обеспечения решения, — все это Фош освещает

довольно подробно. Он правильно подчеркивает необходимость взаимодействия и инициативы в бою, в операции, в сражении.

Фош подробно описывает перипетии ведения войны коалиционными армиями, но старательно замазывает противоречия, существовавшие между союзниками. Общеизвестно, что эти противоречия находили свой отзвук в проведении военных операций. Частные интересы отдельных союзников противопоставлялись общим интересам коалиции, и отстаивание первых нередко приводило к серьезным кризисам. «Воспоминания» дают богатый материал о политико-экономических противоречиях внутри «единого» лагеря Антанты, так как, описывая ход войны, Фош поневоле выдает многое из закулисных переговоров между союзниками.

Эти противоречия на протяжении всей войны особенно ярко выявились на северном участке французского фронта, на итальянском фронте в 1916 и 1917 гг., во время вступления Соединенных Штатов в войну и т. д.

Впервые мы слышим из уст французского генерала, что русская армия «своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне». Это объективное признание одной из главных причин «чуда на Марне» тем более ценно, что во французском официальном отчете такого указания мы не встречаем.

Для подтверждения выставляемых им положений Фош приводит много директив, приказов и других документов. Особый интерес представляют документы о взаимоотношениях между союзниками.

Фош не успел описать период 1915, 1916 и 1917 гг. Дополнительная глава написана французским издателем «Воспоминаний». Эту главу, несмотря на то, что она написана не самим Фошем, мы сохраняем для хронологической последовательности всего изложения. Фош сам предупреждает читателя в своем предисловии, что его «Воспоминания» не являются точной летописью, а лишь повествованием о деятельности и переживаниях руководителя, участника войны. Ход войны он рисует крупными мазками.

В своем введении и в других местах книги Фош делает ряд выпадов против Германии и германского народа. Он читает мораль и возмущается милитаристской Пруссией, выставлав Францию миролюбивым ягненком. Эти протесты против «потоков крови» и «покушений на право и жизнь других народов» странно звучат в устах бывшего главнокомандующего союзными войсками Антанты и организатора интервенции в Советской Республике, на ответственности которого — не один миллион загубленных человеческих жизней.

Читателю, интересующемуся историей мировой войны, настоящие «Воспоминания» позволят освежить в памяти основные события войны на Западном фронте и познакомиться с отдельными, чрезвычайно поучительными моментами в применявшихся во французской армии методах боевого управления войсками.

ТОМ ПЕРВЫЙ

DEBBY
TOM

ОТ АВТОРА

В течение минувшей войны я последовательно занимал различные командные должности. Вначале, во время операций в Лотарингии, я стоял во главе 20-го корпуса. Это было до конца августа 1914 г. Затем, во время сражения на Марне, я командовал 9-й армией. После этого в качестве помощника главнокомандующего я получил задание согласовывать на Северном фронте действия французских войск с союзными — британскими и бельгийскими. В это время происходили сражения на Изере и под Ипром, наступление в Артуа и сражение на Сомме. Последние события имели место уже в конце 1916 г.

В 1917 г. я как начальник генерального штаба был военным советником французского правительства, которое решило принять участие в непосредственном руководстве военными действиями. Наряду с прочими операциями я с апреля 1917 г. организовывал помощь Италии. В конце октября и в течение ноября того же года я лично руководил там нашими войсками. Наконец, участвовал в устройстве американской армии во Франции.

В 1918 г. в качестве председателя Военного исполнительного комитета в Версале, а затем в качестве главнокомандующего союзными армиями я готовил операции всех сил союзников на Западном фронте и руководил ими.

Ныне я с полной открытостью пишу свои воспоминания. Они представляют собой не историю войны, а только повествование о событиях, в которых я принимал участие. Как мы только что видели, это повествование может охватить весь Западный фронт лишь за последний год войны.

Рассказ написан на основании впечатлений, полученных во время боевых действий, а также на основании неполных сведений и даже наших предположений о противнике.

Чтобы понять, как я представлял себе и истолковывал события, для читателя будет, может быть, не бесполезно несколько вернуться назад и вкратце познакомиться с прошлым автора...

* * *

Я родился в Тарбе, у подножья Пиренеев, в октябре 1851 г., в коренной пиренейской семье. Учиться мне пришлось последовательно в лицеях в Тарбе и в Родезе, в семинарии для младшего возраста в Полиньяне, в Верхней Гаронне, затем в иезуитском колледже св. Михаила в Сент-Этьене,—езде, куда служба моего отца (он был чиновником) приводила мою семью. В Сент-Этьене я вместе с будущим маршалом Файолем закончил подготовку к испытанию на бакалавра литературы. Мы с Файолем в то время подумывали о политехническом училище. Однако наши родители и наставники не сочли возможным избавить нас от прохождения литературного цикла. Это задержало нашу подготовку к поступлению в училище. Таким образом, прежде чем приступить к занятиям точными науками, мы, окончив класс философии, держали испытания на бакалавра литературы.

Точные науки, в особенности математические, приучают ум рассматривать материально определенные величины и формы и четко формулировать относящиеся к этим предметам идеи, связывая их неумолимой логикой. Таким образом вырабатывается строжайший метод мышления. Изучение же литературы, философии и истории, выходящих за пределы непосредственных наблюдений, порождает идеи о живом мире, а следовательно, придавая уму гибкость и широту, сохраняет его настороженным, деятельным и плодотворным перед безграничными просторами, которые открывает жизнь. Чтобы двигаться вперед, имея перед собой этот обширный, но вполне реальный горизонт, нужно прежде всего обладать широким кругозором и ясностью взгляда. Выбрав же себе цель, надо решительно идти к ней путями и средствами, вполне обеспечивающими ее достижение. Таким образом, эта двойная подготовка, в области общих знаний и специальных наук, необходима для того, кто хочет не только знать какую-либо профессию, но и, когда нужно, двигать ее вперед и последовательно применять к новым целям, зачастую различным по природе.

Будущее, несомненно, еще более подчеркнет абсолютную необходимость, особенно для офицера, обладать, наряду с профессиональными знаниями, и общей культурой. По мере того как расширяется область войны, должен расширяться и ум тех, кто ее

ведет. Хороший офицер больше не может довольствоваться профессиональными знаниями, умением управлять войсками и удовлетворять их потребности; он не должен также замыкаться в какой-то обособленный мир. В мирное время войска составляют молодую, полную мужественных сил часть нации, во время войны они — вооруженный народ. Каким образом командир сможет использовать людские ресурсы без постоянного приобщения к духу, воодушевляющему всю страну? Каким образом сможет он управлять социальными явлениями, характерными для общенациональных войн, не обладая установившимися взглядами в области морали и политики, не имея исторических знаний, объясняющих ему жизнь государств в прошлом и в настоящем? Повторяем, одних технических знаний недостаточно. Они должны быть дополнены всесторонним развитием. Впрочем, командир легко поймет, что он лучше подготовит свой ум и характер к будущей войне и быстрее выдвинется по службе в мирное время, если он, строго соблюдая дух дисциплины, будет своим постоянно бодрствующим умом держаться на высоте событий и задач, которые встретятся ему на пути. Если же командир будет жить исключительно жизнью своего гарнизона, поглощенный мыслью о возвышении по ступенькам иерархической лестницы, то он не оправдает этого возвышения развитием своих способностей.

Офицер-профессионал, не понимающий этого, рискует тем, что во время войны ему предпочтут призванного из запаса офицера, обладающего необходимыми военными знаниями и в то же время по роду своей деятельности в мирное время получившего ряд ценных навыков в практической жизни.

* * *

Закончив свои занятия в колледже св. Михаила, я в 1869 г. переехал в Мец, и там, в колледже св. Климента, готовился к поступлению в политехническое училище.

В этой напряженной работе застали нас события 1870 г., которым суждено было оставить глубокий след в нашей памяти. Еще в конце июля 1870 г. вокруг Меца собралась значительная часть французской армии, отличавшаяся прекрасным моральным состоянием при поразительном отсутствии организованности.

Однажды под вечер в Мец прибыл император Наполеон III, чтобы принять главное командование. Он проехал по улице Серпенуаз, полулежа в своей открытой коляске. Его сопровождал последний принц, тревожно и вопросительно смотревший кругом. Их эскортировал блестящий конвой...

Главная квартира императора и его свиты, состоявшей из людей с громкими фамилиями, в пышных мундирах, расположилась в здании префектуры. Затем 4, 5 и 6 августа, в те дни, когда в исторических схватках решались судьбы Франции, мы сидели в Мецском лицее и под звуки отдаленной орудийной стрельбы писали свои сочинения на конкурс в политехническое училище.

7 августа, в воскресный день, император-главнокомандующий отправился на вокзал для поездки в Форбах. Там он узнал, что поезда уже не доходят до Форбаха, очищенного накануне после проигранного сражения, и вернулся в префектуру, которая была превращена в главную квартиру.

Затем появился первый манифест императора, извещавший Францию о трех поражениях: «Маршал Мак-Магон телеграфирует мне, что он проиграл большое сражение. На Сааре Фроссар атакован крупными силами...» Повсюду воцарилось смущение. После полудня в город и дальше в тыл страны хлынули жители сельских местностей, захваченных или угрожаемых противником. Налицо была картина первых последствий поражения: печальное беспорядочное бегство семейств, выгнанных из своих домов. Измученные движением по дорогам, без крова и без определенной цели, они с отчаянием в душе и с перспективами нищеты увозили своих стариков, женщин, детей и незначительную часть имущества — скот или движимость.

Через несколько дней мы, воспитанники колледжа св. Климента, также покинули Мец, чтобы вернуться к своим родителям. По железнодорожной линии Мец—Париж двигались в обоих направлениях поезда с частями 6-го корпуса, отправленными из Шалона в Мец и возвращаемыми с пути обратно в Шалон из опасения прерыва железнодорожного пути вблизи Меца. В окрестностях Парижа проезжали войска 7-го корпуса, отозванные из Бельфора, а затем войска 1-го корпуса, которые после сражения под Фрешилером были оттянуты из Шарма на Шалонский лагерь. А некоторое время спустя пошли поезда с пожарными общинами Франции. По призыву правительства они прибывали в своих легендарных касках и с кремневыми ружьями на защиту столицы. При виде этой разношерстной массы с устаревшим вооружением правительство вскоре поняло их непригодность для намеченной задачи и вернуло общинам их самоотверженных граждан, совершенно не подготовленных к войне. Таким образом, всюду, как мы видим, царил дух беспорядка и ошибок, «роковой предвестник падения королей».

Рушилось государство, беспечное правительство которого, погруженное в расточительной роскоши, усыпляло страну миром и су-

дано ей полное процветание, отвлекая взоры народа от приближающейся опасности. Само правительство не принимало необходимых мер предосторожности и не обеспечивало поддержки морального и материального состояния армии, которой оно располагало и которая, при тщательном и разумном управлении, могла бы по меньшей мере задержать и ослабить катастрофу. Можно представить себе, что этот переезд среди симптомов развала, как и перед тем зрелище первых последствий поражения, не могли не послужить серьезным уроком для молодых умов.

Я впоследствии поступил добровольцем на все время войны в 4-й пехотный полк, но война кончилась без моего активного в ней участия. Демобилизованный в марте 1871 г., я вернулся в Мец, чтобы за сокращенный учебный год прослушать уже начатый мною курс специальных математических наук и постараться в том же году попасть в политехническое училище.

В колледже св. Климента мы помещались в одном здании с проходившими через город германскими войсками и с постоянно стоявшим в Меце батальоном 37-го померанского полка. Это соседство не могло не вызывать многочисленных инцидентов. Наши сожители хотели дать нам почувствовать всю тяжесть своей победы и резкими, грубыми выходками подтверждали при каждом удобном случае и без малейшего повода право, которое, по их мнению, давала им победа, и делали все, что заблагорассудится. Из Меца мы в течение лета 1871 г. три раза ездили в Нанси держать письменные, а затем устные отборочные и вступительные испытания в политехническое училище.

Управлял оккупированной Лотарингией и командовал оккупационной армией ген. Мантейфель. Он проживал на площади Карьер, во дворце правительства, где впоследствии объявление войны 1914 г. застало меня командиром 20-го армейского корпуса. Там он принимал проезжавших через Мец многочисленных знатных немецких посетителей — принцев, генералов или чинов высших штабов. Каждый раз при этом имели место шумные проявления восторга, большие военные парады и церемонии в честь лиц, которые привели армии к победе или посредством мирного договора насильственно оторвали от Франции Эльзас и Лотарингию, несмотря на единодушные протесты их населения. Я был несколько раз свидетелем подобных сцен. Вскоре я уехал из Меца, чтобы в октябре 1871 г. поступить в политехническое училище в Париже.

Когда заходила речь о моем поступлении в политехническое училище, мои родители имели в виду главным образом гражданскую карьеру. Но после пережитой нами несчастной войны на всех

нас, особенно молодежь, ложилась задача — работать для возвышения отечества, уже расчлененного и находившегося под угрозой полного разрушения. Поэтому я, ни минуты не колеблясь, примкнул к кандидатам, выразившим желание служить в артиллерии. Эти слушатели после 15-месячного пребывания в политехническом училище должны были поступить в артиллерийское училище и в сентябре 1874 г. выйти из него офицерами в артиллерийские полки.

Немедленно после постигших нас катастроф, несмотря на большую контрибуцию, уплаченную победителю, Франция, обезоруженная условиями капитуляции, по которым материальная часть армии была отдана врагу, быстро восстанавливала свои военные учреждения и свое вооружение. Она спешно принимала меры к тому, чтобы в случае необходимости оказать сопротивление по-прежнему угрожавшему ей противнику. Враг, опасаясь быстрого возрождения Франции, готов был, особенно в 1875 г., возобновить войну, чтобы завершить разгром нашей страны.

В этот-то период спешной реорганизации и восстановления вооружений я и начал свою службу в 24-м артиллерийском полку в г. Тарб. По счастью, весь личный состав полка был воодушевлен благородным порывом и занят лихорадочной деятельностью, и эти темпы первых лет после войны сохранились надолго.

Все военноучебные заведения, через которые я прошел, — политехническое училище, артиллерийское училище, а затем и кавалерийская школа, — дали нам крепкие знания, постепенное развитие наших способностей, а также конкретные темы для размышления. Однако истинным откровением явилась для меня военная академия, куда я поступил в 1885 г. Преподаванием теории, построенной на практических примерах истории, академия приучила людей среднего ума, используя свои прирожденные способности и приобретенные знания, рационально подходить к проблемам большой войны, логически рассуждать об этих проблемах, обсуждать и выдвигать решения, основанные на прочном фундаменте.

Правда, в академии были сосредоточены выдающиеся люди — Кардо, Майер, Миллэ, Лянглау, Шерфиль, отличавшиеся своей исключительной добросовестностью, богатым опытом и здравым суждением. На основе самых тщательных исторических исследований они определяли безграничные возможности войны и путем анализа устанавливали материальные средства, необходимые для ее ведения. Тем самым они, наряду с установленной доктриной, давали нам и метод работы для решения будущих задач.

Один из этих преподавателей военной академии, майор Миллэ, впоследствии занимавший высшие посты в нашей армии, обратил на меня внимание и интересовался мной в течение всей моей карьеры. Так, позднее я исполнял при нем обязанности начальника штаба армейского корпуса, а затем и армии. Он оказал большое влияние в формировании моих взглядов на будущую войну, постоянно делясь со мной мыслями, продиктованными ему его опытом во время войны 1870 г., и своими непрерывными изысканиями приемов ведения боя в будущем.

Для него с 1870 г. могущество огня было господствующим элементом на поле сражения. Он считал, что это могущество должно сломить натиск любых войск, не обладающих огневым превосходством. С усовершенствованием вооружения это могущество становилось еще более абсолютным в будущей войне. Безусловно необходимо было подумать о надлежащем его использовании, постараться извлечь из него выгоду, приняв на вооружение более мощную материальную часть. Надо было найти и способы защиты от его действия, так как те, которые мы применяли, например боевые порядки нашей пехоты, были явно недостаточными. Они могли привести только к уничтожению войск. Само собой разумеется, что за этим мощным огневым действием должна была следовать атака для захвата позиции противника, но эта атака являлась только частью сражения. Поражение противника, достигнутое таким образом в одном пункте, все же обходилось дорого и было бы ограниченным. Чтобы поражение не оставалось бесплодным, необходимо было немедленно развивать и использовать его посредством быстро организованного боевого усилия, проводимого довольно крупными силами. Это позволило бы своевременно использовать расстройство, вызванное в боевых порядках противника, внести в них разрушение и распространить беспорядок, словом, извлечь все выгоды из победоносной, но дорого стоящей атаки. Это значило, что командир крупных сил, самым тщательным образом подготавливая начало своих действий, должен отнюдь не останавливаться после достижения первых тактических результатов, а предусматривать дальнейшее развитие боя. Он должен готовить средства и выдвигать вперед части, необходимые для этого. Он обязан обеспечить непрерывность мощного первоначального усилия если не количеством и силой новых ударов, то, во всяком случае, их быстротой и точностью.

Только немедленное развитие частного успеха путем продолжения наступления и быстрого нанесения ряда новых ударов, в итоге — новый маневр, сохранный про запас, но тщательно подгото-

товленный, может помешать противнику возобновить сопротивление, облегчающееся современным вооружением. Именно такое развитие достигнутого успеха делает его не только окончательным, но достаточно широким для того, чтобы вызвать глубокое расстройство противника и тем добиться победы.

Мое трехлетнее пребывание в 3-м отделе генерального штаба (возглавлявшегося в то время ген. де-Мирибель) дало мне возможность ознакомиться с мерами, принятыми нашим штабом для мобилизации, сосредоточения и снабжения французских армий во время войны, а также с основными идеями нашей военной доктрины.

Перед лицом германской армии, превосходящей нашу своей численностью, боевой подготовкой и вооружением, ген. де-Мирибель путем глубокого изучения нашей территории на востоке старался выбрать длинные оборонительные позиции, о которые должна была разбиться очень широкая, как он предвидел, волна вторгнувшегося противника. Этому изучению он придал, несомненно, весьма большой размах и масштаб. Но, как всякая чисто оборонительная стратегия, это искусство отражать или задерживать удары путем использования местности не содержало никаких намеков на встречный удар. Считали, что сам главнокомандующий французскими армиями должен будет выбрать место и время для этого контрнаступления. Не учитывалось, что полная перемена образа действий после начала войны трудно выполнима, особенно для современных массовых армий. Она требует серьезнейшей подготовки для своего осуществления и завершения возобновлением движения вперед, без которого не может быть победы. Начальник генерального штаба умер прежде, чем успел приступить к разработке проблемы контрнаступления и соответствующего ему использования войск. В это самое время германский генеральный штаб усиливал свои полевые армии тяжелой артиллерией, которая до тех пор применялась исключительно в осадной войне.

Вооруженный только основными идеями ген. Миллэ, я приступил к преподаванию порученного мне курса общей тактики в военной академии. За шесть лет упорной работы я углубил и постарался дополнить эти идеи. Когда посвящаешь себя исканию военной истины, можно ли найти более сильный стимул, чем преподавание ее тем, которым придется проводить ее на полях сражений, где наряду с жизнями солдат будут решаться судьбы их страны? А для того чтобы этой истиной прониклись умы, открытые для ее восприятия, но иногда под влиянием практики военной жизни скептически настроенные по отношению к школьным занятиям, разве не надо страстно стремиться к этой истине и прочно овладеть ею?

Действительно, обязанность сообщать другим высшие военные знания заставляет задавать себе немало вопросов, касающихся войны, ее происхождения и целей, и рассматривать события, сопровождающие крупные конфликты. Таким образом, ум, не ограничивающийся простой педагогикой военного ремесла, естественно побуждается к изучению существа войны и к исследованию вопроса о том, каким потребностям или каким стремлениям отвечает война в жизни народов. Приходится задумываться над тем, какой ценой и какими жертвами эти народы расплачиваются за нее, каким образом развитие цивилизации в мирное время, в частности развитие просвещения и промышленности, ежедневно предоставляет в распоряжение войны все новые средства, могущие внести глубокие изменения в искусство ее ведения. Наполеон говорил, что армия должна каждые десять лет менять свою тактику. Через 30—40 лет после 1870 г. каких только перемен следовало ожидать со стороны противника, ум которого со времен Фридриха II был всегда направлен на усовершенствование войны! Промышленное развитие противника поражало своей быстротой. Его военные писатели — Фалькенхаузен, Бернгарди, не говоря о других, не скрывали, впрочем, масштаба формирования нового образца и предполагаемого ими расширенного применения к враждебным народам своих законов войны.

Поэтому неудивительно, что в предвидении грозного будущего военная академия, этот очаг знаний, дала в лице своих преподавателей, выбранных из всех родов войск и уже имевших опыт, большое число командиров, которые впоследствии отличились во время мировой войны. Такими командирами были Петэн, Файоль, Мэтр, Дебенз, де-Модюн.

Годы, проведенные мною в военной академии, оставили глубокий след. Я научился рассматривать проблемы предстоящей войны, хладнокровно обсуждать их во всей совокупности, находить их решение. Жизнь в полку, сначала в должности помощника командира 20-го артиллерийского полка под начальством заботливого командира этого полка, а затем и в качестве командира отдельной части — 35-го артиллерийского полка, заставила меня в течение четырех лет бороться с трудностями проведения в жизнь планов, построенных на теоретических изысканиях. Осуществление командования, особенно в чине капитана, несомненно, является величайшим удовлетворением военной жизни благодаря тому всестороннему влиянию, которое оказываешь на смышленного, преданного, деятельного рядового, каким является французский солдат. В чине полковника, командуя отдельной воинской частью, оказываешь

влияние на офицерский состав, обладающий большими знаниями и проникнутый непоколебимой преданностью делу, а через офицерский состав и на весь полк, который вскоре становится образом и подобием своего командира.

Но офицерский состав надо еще научить выполнять свои задачи по отношению к противнику, к подчиненным, к равностоящим и к начальникам в день сражения, когда, несмотря на невыясненность обстановки, надо все же действовать энергично и когда связь между начальниками всех степеней становится все более и более затруднительной.

В настоящее время каждый начальник исполняет в бою необходимую роль. Теперь уже недостаточно, чтобы исполнитель этой роли был отлично дисциплинированным, доблестным солдатом. Он должен быть командиром, знающим свое дело и способным проявить инициативу.

Как бы то ни было, из моего командования полком я вынес впечатление, что наша молодая армия способна на величайшие усилия и что она должна притти к победе, если ее поведут правильным путем при достаточном оснащении боевыми средствами. Но это зависело уже от высшего командования, от организаций.

Наши зарейнские соседи, особенно с 1890 г., в еще небывалых размерах усиливали свое вооружение в отношении количества и разнообразия калибров артиллерии, предназначавшейся ими для полевой войны. Они с величайшим старанием совершенствовали свои средства наблюдения и связи. Мы могли оказаться отсталыми.

С этими взглядами, в которые время не внесло глубоких изменений, я, продолжая свою службу, исполнял должности начальника штаба армейского корпуса, а затем начальника артиллерии этого корпуса.

В 1908 г. я был назначен начальником военной академии. Во время своего пребывания во главе этого очага науки я предложил ввести для некоторых офицеров третий учебный год, так как ввиду расширения области военного искусства во всех отраслях оставались пробелы в их знаниях после двухлетнего пребывания в академии.

В 1911 г. я принял командование 14-й дивизией, очень крепким войсковым соединением, предназначенным для участия в прикрытии стратегического сосредоточения. В 1912 г. я принял командование 8-м армейским корпусом, а в августе 1913 г. — 20-м корпусом в Нанси. В то время наши армейские корпуса с управлением соответствующих корпусных округов численностью своих войск и количеством учреждений представляли такие обширные организа-

ции, что для руководства и знакомства с ними требовалась очень большая работа. Едва освоившись с 8-м корпусом, мне пришлось принимать 20-й. Он состоял из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий; они были усиленного состава, для ускорения перехода на военное положение. К моменту моего назначения рядовой состав его частей должен был включать в себя три годовых контингента вместо двух в связи с принятием закона об увеличении срока службы до трех лет. Приходилось строить казарменные помещения соответственно этому увеличению численности и пропорционально расширять санитарную и прочие службы. В то же время мы приступили к постройке укреплений вокруг Нанси. С этой работой необходимо было всячески спешить. Таким образом, за последние годы перед войной мне, вследствие моих перемещений по службе, пришлось работать все более усиленными темпами, чтобы вполне справиться с подготовкой войск и организационной работой. Нельзя было терять времени, так как противник с каждым днем становился все более угрожающим и сильным. Уже перешагнув далеко за шестьдесят лет, я, вместо того чтобы подумать об отдыхе, должен был готовиться проявить всю энергию и деятельность, на которые я был способен. Война приближалась.

С другой стороны, во время моего пребывания на посту начальника военной академии я завязал сношения с выдающимися деятелями некоторых иностранных армий. В британской армии я особенно сблизился с начальником академии генерального штаба в Кемберли Вилсон, бывшим в то время бригадным генералом. Впоследствии он стал одним из самых деятельных умов имперского генерального штаба, а затем и его начальником. В течение ряда лет, особенно во время войны, нам пришлось работать совместно.

Я также несколько раз принимал миссию русской академии; благодаря этому я был приглашен на русские маневры в 1910 г.

Не говоря уже о сердечных отношениях, завязанных мною таким образом с обеими армиями, мои поездки доставили мне много сведений о тех средствах, которые наши будущие союзники могли предоставить в случае войны с Германией, если бы наши правительства действовали в согласии.

ВВЕДЕНИЕ

Германия, втянувшаяся к 1914 г. в русло мировой политики, никогда бы не объявила войны, если бы правильно понимала создавшуюся к тому времени обстановку.

Но берлинское правительство, опьяненное своим могуществом и увлекаемое слепой пангерманской партией, вполне уверенное к тому же в превосходстве своей армии над всякой другой армией, не боялось для ускорения своего прихода к власти над миром прибегнуть к оружию и тем открыть эру тяжелых гека-томб и опасных авантур. Эта власть, по его мнению, была ему предназначена.

Впрочем, в 1914 г. вся Германия с воодушевлением взялась за оружие, чтобы поддержать грандиозные и безумные замыслы правительства, не задумываясь над ужасами преступления, которое она собиралась совершить по отношению к человечеству. Она фактически превратилась в Великую Пруссию.

С давних пор Пруссия, этот рассадник юнкерства и колыбель милитаризма, считала своим национальным занятием войну. Направляемая излюбленной Гогенцоллернами политикой, война сделала из курфюршества Бранденбургского Германскую империю. Вытеснив из Германии Австрию, которая могла бы оказать сопротивление и явиться представительницей другого идеала, Пруссия, к своей выгоде, добилась объединения Германии. При этом она поглотила довольно многочисленное население прирейнских земель. И постепенно ее железная рука, дававшая себя чувствовать как в материальной, так и в духовной области, благодаря прусской, по существу или по складу, администрации — чиновникам, учителям, офицерам, — подчинила это население идеям и учреждениям восточных провинций.

В 1914 г. Германия окончательно опруссачена. Там, по общему мнению немцев, сила создает право. А так как, с другой стороны, военная организация была тщательно обдумана и развивалась вме-

сте с экономическим подъемом, Германия оказалась в состоянии быстро мобилизовать свою армию, превосходящую любую другую по своей численности, вооружению и подготовке. Эта армия должна была исполнить и оправдать роль, «предназначенную» Германии в силу ее «расового превосходства». К тому же обращение к силе может только облегчить ее движение по пути к мировой гегемонии. Преимущество этого обращения к силе в том, что оно ускорит ход событий, а также расширит и закрепит результаты. Германия, победившая великие европейские державы, будет неоспоримо господствовать на всем старом континенте. Прочно утвердившись на побережье Северного моря и Ламанша, она станет властвовать над морской державой — Англией, а следовательно, и над морями. Разве это не обеспечит отныне будущее развитие мировой политики Германии? Потоки крови, которых война может стоить человечеству, — ничто по сравнению с теми выгодами, которые она принесет Германии. Путем кровопролития Пруссия создала Германию, увеличила ее и должна еще увеличить. Такова философия победившего юнкера, принятая отныне всеми верно-подданными немцами. Какое же значение могут иметь покушения на право и жизнь других народов? Несомненная победа полностью их узаконит. Не может заблуждаться та мораль, за которой стоит сила. И, руководимая прусским жезлом, ослепленная Германия при общем воодушевлении выступает на войну. «Deutschland über alles!»

* * *

В 1914 г. Франция не желала войны, тем более не искала ее; она не хотела воевать. Когда в конце июля борьба стала казаться неизбежной, французское правительство приложило все усилия к тому, чтобы ее предотвратить. Но если бы союзники Франции подверглись нападению, Франция, верная своим обязательствам, выступила бы на стороне союзников.

Это была та политика, которую Республика неотступно вела в течение более сорока лет. Не забывая ни на минуту об утраченных провинциях, стараясь залечить вечно кровоточащую рану, нанесенную их отторжением, Франция с достоинством и спокойствием отвечала на злобные провокационные инциденты — дело Шнебеле, Танжер, Агадир, Цаберн и другие. Она последовательно сократила срок действительной военной службы с пяти до трех, а затем с трех до двух лет. Только под угрозой непрерывного усиления германской армии и под влиянием самого законного беспокойства и явной угрозы она в 1913 г. поспешно вернулась к трехлетнему сроку службы. И это было сделано как раз во-

время. Франция твердо решила прибегнуть к силе только в тот день, когда ее существование и свобода окажутся под угрозой германской агрессии. Только такая опасность могла побудить к войне правительство, достаточно осведомленное, чтобы измерить величину жертв и масштаб потрясений, которые европейская война должна была внести в жизнь народов.

Внезапно 23 июля австрийский ультиматум Сербии своими неприемлемыми условиями вызвал в политическом небе мощный электрический разряд. Сербия все-таки приняла эти условия с двумя слабыми оговорками: об обращении к арбитражу великих держав и к Гаагскому трибуналу. Однако представитель Австрии в Белграде покинул свою резиденцию, прервав дипломатические сношения и объявив ответ неудовлетворительным.

Это свидетельствовало о твердо принятом Австрией решении взяться за оружие без дальнейшего рассмотрения вопроса. С другой стороны, тесный союз, соединявший две центральные империи, заставлял опасаться, что выступление верного секунданта является лишь увертюрой уже решенного выступления Германии и конфликт, созданный на востоке, служит только предвестником конфликта, который она хотела вызвать на западе.

28-го июля Австрия объявляет войну Сербии; 29-го она бомбардирует столицу Сербии Белград; 31-го она объявляет общую мобилизацию своих войск. Тщетно лондонское правительство предлагало передать спор на арбитраж четырех незаинтересованных великих держав — Франции, Англии, Германии, Италии. Тщетно Россия соглашалась на это предложение. Германия уклонилась от этих попыток умиротворения. Еще 26-го она угрожала России мобилизацией своей армии, а под мобилизацией надо было подразумевать войну, как добавил ее посол в Петербурге. На австрийскую мобилизацию, объявленную 31-го, Россия отвечает мерами того же порядка. Германский император провозглашает *Kriegsgefahrzustand* (положение военной опасности), что влекло за собой принятие большей части мер по переходу германской армии на военное положение. Одновременно он потребовал от французского правительства объявления нейтралитета, гарантированного передачей Туля и Вердена германским войскам на все время войны. И в то время, когда Австрия как будто бы выражала желание несколько разрядить атмосферу, Германия предъявила России ультиматум. Уже 1-го августа Германией приняты меры по общей мобилизации и сосредоточению сил на двух фронтах: Восточном и Западном. Она объявила войну России. Франция ответила на это объявлением общей мобилизации.

Отметим теперь же, что вызванный, как мы видели, центральными империями конфликт с славянским государством должен был повлечь за собой немедленное вступление в войну всех русских сил. Спор, поднятый этими империями по западному вопросу, мог бы вызвать менее решительное выступление сил обширной Московской империи и тем самым на некоторое время ослабить помощь, которую она должна была оказать Франции. Германское правительство пренебрегало в своей политике подобными мелочами. Оно не сомневалось в торжестве своего оружия при условии решительности и быстроты действий. Оно было безусловно уверено в том, что его военная машина превосходит все существовавшие до сих пор числом мобилизационных единиц, степенью их боевой подготовки, мощностью вооружения, подготовкой их операций, воодушевлявшим их настроением, искусством их командиров.

Будучи абсолютно уверенной в своих силах и пренебрегая элементарными правовыми нормами, Германия предъявила 2-го августа ультиматум Бельгии. Она потребовала свободного пропуска через ее территорию германских армий, которые, впрочем, без всяких формальностей нарушили и нейтралитет Люксембурга. Но следствием этих действий было то, что лондонское правительство поборолo свои последние колебания, и британская и бельгийская армии стали в ряды союзников. Допустили ли германские правители ошибку или они были застигнуты врасплох, это не имело для них большого значения. Разве наступление на широком фронте, быстро проведенное по тщательно разработанному плану, не должно было справиться даже с коалицией, только еще создававшейся и которую к тому же сдерживали чувство чести или моральные соображения? Разве эта коалиция при своей слабости могла бы остановить движение самой мощной военной машины из когда-либо существовавших, которая была уже полностью пущена в ход? С другой стороны, если бы союзные правительства попытались воспротивиться германской политике, разве армия не была в состоянии сломить волю народов, сея в захваченных областях ужас приемами, оправдываемыми военной необходимостью? Разве лозунг «ведь это война!» в устах и генерала и простого солдата не должен был узаконить самые бесцельные жестокости и самые грубые посягательства на права человечества? Победа, которая должна была еще раз оправдать все приемы и уладить все разногласия, была несомненна при условии немедленного перехода в дерзкое наступление, свободное от всяких моральных соображений, даже если это наступление расширило и усугубило бы страдания мирного населения. Надо было только решительно и быстро дви-

гаться вперед, распространяя впереди себя ужас и оставляя за собой опустошение.

Предстоящая борьба застала французскую армию в таком же моральном состоянии, как и всю нацию. Эта армия Республики, восстановленная после нашего разгрома в 1870 г., впервые построенная на началах всеобщей воинской повинности, приложила необыкновенные усилия для своего возрождения. Если за этот период нация своими жертвами подтвердила непреклонную волю жить и удерживать занимаемое ею место в Европе, то армия своей изумительной работой старалась найти способ победоносно воспротивиться новой агрессии могучего зарейнского соседа. Для этого она принялась за изучение и подготовку большой войны, понимание которой было утрачено в императорской армии, о чем свидетельствовали два небывалых разгрома: Мец и Седан. Далее, она готовила те силы, которые приводят к победе. Она развивала в войсках моральные качества, профессиональные знания и физическую тренированность, чтобы прежде всего сделать из этих войск отличное орудие войны.

Во время любых маневров, повторяемых и продолжаемых невзирая на сильную усталость, всегда можно было, наряду с превосходным моральным состоянием всего личного состава, отметить его страстное желание учиться, а также выносливость и дисциплину, каких не знали прежние армии. Постепенно осенние тактические учения, в которых принимали участие некоторые возрасты запасных, позволили в полном порядке и совершенно регулярно проводить сборы и разыгрывать действия крупных войсковых соединений: дивизий, армейских корпусов, армий. Командование освоилось с управлением этими силами и многочисленными службами, входящими в их состав. Эта гибкость управления создала уверенность в рядах всей армии. Запасные, временно отрывающиеся от гражданской жизни, занимая свои места в полках, быстро заражались превосходным моральным состоянием частей. Офицеры запаса, кадровые офицеры, уволенные в запас, и офицеры территориальной армии, тщательно подобранные, обеспечивали ценный источник комплектования в будущем.

Со взорами, всегда обращенными в сторону границы, не давая отвлекать себя от работы для пользы страны, корпус офицеров действительной службы пережил невозмутимо, хотя и не без потерь, политические кризисы, периоды «сокращенного патриотизма», нарочитого пацифизма или официального сектантства, своего рода национального отречения, которое некоторые партии использовали в своих узких интересах в ущерб воинской доблести офицерского

состава. Несмотря на все это, офицерский корпус сохранил Францию ее армию. В итоге было ясно, особенно для человека, знавшего армию Второй империи¹, что армия Республики, благодаря упорной работе всего личного состава, стала превосходным орудием войны. Она была воодушевлена сознанием долга и твердо решила любой ценой обеспечить безопасность страны. В 1914 г. ей оставалось подвергнуться испытанию на полях сражений. В ее моральных силах нельзя было сомневаться. В то время на карту было поставлено существование страны, для ее спасения армия не отступила бы ни перед какой жертвой. От высших начальников до солдат — все были готовы соперничать в самопожертвовании и в выполнении долга; только эти качества могли дать право на занятие должностей служебной лестницы.

Достаточно ли было этих качеств при современном вооружении?

Командование армиями с их штабами и службами было прекрасно организовано еще задолго до этого. Оно было представлено выдающимися военными деятелями и их подчиненными, отлично подготовленными к выполнению своих обязанностей.

В 1914 г. в нашей армии превыше всего ставили наступательный дух, который, вследствие постоянного его подчеркивания, должен был стать довлеющим в действиях частей. Это приводило к слепой и прямолинейно-грубой, а следовательно, опасной тактике, к упрощенной, однообразной стратегии, зачастую бесплодной, бессильной и дорого стоящей. В общем, от слишком упрощенной доктрины можно ждать сюрпризов при первых же столкновениях с противником.

Наша армия пережила сорокалетний период мирного времени. За это время проводившиеся ею учения не могли ей дать представления о трудных условиях современного поля сражения и о силе царящего на нем огня. Изучение событий войны 1870 г., нашедшее свое отражение в уставах, помогло бы армии составить себе представление о разрушительной силе современного вооружения и о необходимости считаться с ним. В действительности же соображения и указания, преподанные в уставе 1875 г., представлялись уже далекими и были основательно забыты. С того времени многие наши офицеры участвовали в колониальных завоевательных войнах, но там им не приходилось встречаться с грозным вооружением в руках хорошо подготовленного противника.

Таким образом, с больших маневров и из колониальных экспедиций вынесли в качестве формулы успеха, в качестве доктрины боя всемогущество наступления, предпринятого с твердым реше-

¹ Империя Наполеона III. — Ред.

нием «дорваться» до противника. Были рекомендованы боевые порядки, могущие поддерживать непрерывное питание боя. Для генерала и строевого офицера, так же как и для рядового солдата, вышивали всяческие узоры на тему о моральных силах, о воле к победе, совершенно безоговорочно и без разбора.

В результате, когда началась война, бои развивались быстро и в дело сразу вводились значительные силы, но зачастую при невыясненной обстановке и без достаточной огневой подготовки, особенно артиллерии, требующей некоторого времени для подготовки стрельбы. Щедро введенные в бой силы, слабо поддержанные артиллерией, озабоченные, главным образом, стремлением двигаться вперед быстро и вместе, вскоре оказываются безоружными, в опасном положении и несут потери от невидимых огневых средств, возникающих и поражающих их со всех сторон. Несмотря на всю свою энергию, войска не могут «дорваться» до противника. Приходится возобновлять огневой бой. Войска, измученные и ослабленные потерями, останавливаются в сравнительно густых построениях. В этом выдвинутом вперед положении и в слишком тесной группировке они должны дожидаться, пока артиллерия, находящаяся еще на значительном расстоянии, уничтожит задерживающие их препятствия или орудия. Потери возрастают. Так зачастую не вполне подготовленное наступление, хотя предпринятое крупными силами и энергично проводимое пехотой, считавшей, что она одной своей доблестью может сломить внезапно возникшее перед ней препятствие в виде пулемета или орудия противника, приводит к бессилию и неудаче.

Если идеи наступления, прежде всего решительного движения вперед, на худой конец достаточно как заповеди для рядового бойца, то ее, как мы видели, не может быть достаточно для начальника, который должен повести свою часть. При сколько-нибудь значительной численности последней начальнику приходится принимать меры по обеспечению ее движения вперед разведкой, охранением, а также различной поддержкой. Не отказываясь от необходимого принципа движения, он должен применять его, сообщаясь с добываемыми сведениями, обеспечивая себя некоторыми мерами охранения и заранее установленной связью. Для этого ему надлежит действовать постепенно вводимыми в бой и выдвигаемыми вперед силами, которые перестраиваются в боевой порядок только в надлежащий момент перед указанными им объектами, когда препятствия будут обнаружены и уничтожены артиллерией.

Что касается крупных соединений, то «Временное наставление», а затем «Устав вождения крупных соединений» безоговорочно

утвердили в 1912 и 1913 гг. в качестве линии поведения догмат наступления. В них было написано: «Уроки прошлого принесли плоды. Французская армия, вернувшаяся к своим старым традициям, не признает при ведении операций другого закона, кроме наступления».

В 1870 г. наше командование погибло из-за своей приверженности к обороне, и притом к обороне пассивной. В 1914 г. ему предстояло испытать ненужные неудачи и жестокие потери, явившиеся следствием его исключительного увлечения наступлением и знакомства с приемами одного только наступления, систематически применявшегося им во всех случаях. В действительности же командование должно всегда основательно знать сильные и слабые стороны как наступления, так и обороны и условия возможности применения того и другого. Только путем разумного сочетания этих двух систем командование сможет организовать мощное наступление в желательном для него пункте. Эта необходимость возрастает с численностью вводимых в дело войск.

Командир крупного войскового соединения не может быть только отличным солдатом. Он не должен ограничиваться одним приказанием наступать, применяя во всех случаях правила, указанные для войсковых единиц меньшей численности. Он может организовать наступление с шансами удачи только на местности, удобопроходимой для сильной пехоты и благоприятной для действия артиллерии. Всякая другая местность повелительно диктует ему демонстративные действия или даже оборону. Ему приходится ограничивать свои замыслы. Поэтому всякий командир дивизии, а тем более командир корпуса и в еще большей степени главнокомандующий обязан, используя свои войска, ставя им задачи, указывая им образ действий, учитывать местность. Он должен одновременно применять наступление на одних участках, оборону и демонстративные действия на других и постоянно комбинировать эти виды боевых действий: Отнюдь не следует признавать только идею наступления, которая, будучи возведена в систему и распространена на все случаи, становится слепой, а потому опасной.

Нам неоднократно пришлось страдать от этого злоупотребления правильной по существу идеей наступления, проводимой без разбора.

Превознося и разрабатывая, как мы видели, эти идеи наступления, доминировавшие над всеми другими соображениями и основанные на недооценке силы огня, в то же время придавали слишком мало значения вооружению. Так, наша пехота была вооружена пулеметами в значительно меньшем количестве, чем германская.

Наш армейский корпус имел только 120 пушек, все 75-мм калибра, тогда как германский армейский корпус при меньшем чис-

ленном составе пехоты имел 160 орудий, часть которых составляли 105- и 150-мм гаубицы. Так же обстояло дело с нашей армейской тяжелой артиллерией, которая по числу и калибру орудий была значительно слабее германской тяжелой артиллерии. Несмотря на все свои качества, наша превосходная 75-мм пушка не могла, особенно при наступлении, возместить эту слабость в отношении количества и калибра и свою непригодность для навесной стрельбы. При обороне она могла мощным заградительным огнем оказывать нам величайшие услуги, разбивая сильнейшие атаки противника; но чтобы с выгодой придерживаться этой тактики, она требовала крупных запасов огнеприпасов. На деле же эти запасы не превышали 1500 выстрелов на орудие, а производство снарядов было подготовлено очень слабо. Значительные пробелы имелись также в нашей авиации и в службе связи.

Дело в том, что правительство, считавшееся лишь с необходимостью обороняться, долго противилось военным расходам и тем самым ограничивало количество технических средств. А эти средства были все более необходимы для успешного наступления армии при том значении, которое приобретало для борьбы вооружение. Поэтому наступление как общая форма наших действий должно было при практическом осуществлении натолкнуться на вполне реальные затруднения. Тесная связь политики и ведения войны настолько непреложная истина, что второе может быть прежде всего только продолжением первой. Как бы страстно военачальник ни стремился к победе посредством наступления, которое одно может привести к ней, обстановка, созданная для него политикой, часто вынуждает его думать в первую очередь об обороне.

Чем больше ограничено его наступательное вооружение, тем больше его стратегия должна учитывать это обстоятельство, подготавливая и организуя оборону на все более широких участках фронта. Это даст возможность сосредоточить имеющиеся в его распоряжении наступательные средства на других участках, где он и сможет тогда атаковать по всем правилам искусства.

Мы еще раз констатируем, что командование различных степеней должно освоиться равным образом с идеей, техникой и практикой обороны. Разве во все времена не надо было уметь отражать удары и затем атаковать, чтобы справиться с серьезным противником? Безусловно, упрощенная доктрина наступления, которая должна была вовлечь наши войска в грубо-прямолинейные и слепые атаки, не могла быть достаточной и для главного командования. Как мы только что видели, она прежде всего могла привести к бессилию стратегии, если только командование не распо-

давало превосходными силами, достаточно многочисленными и подвижными, чтобы, отразив попытку охвата со стороны противника, добиться охвата по крайней мере одного из его флангов. В 1914 г. французские силы, даже усиленные британской армией, еще не многочисленной в начале войны, не позволяли думать о такой операции.

Итак, наша военная доктрина была слишком куцой, так как она ограничивалась для всех великолепной, но слишком исключительной формулой наступления.

* * *

В виде компенсации за эти слабости доктрины мы имели перво-классный штаб, отлично натренированный в исполнении своих служебных обязанностей и, кроме того, включавший в свой состав людей выдающегося ума. Действительно, военная академия и курсы высших военных знаний развили во многих офицерах вкус к работе, а также укрепили и расширили их способности. Хорошо одаренные натуры должны были использовать приобретенные знания, как и свои значительно расширенные и хорошо тренированные способности. Во время войны они получили возможность оказывать ценнейшие услуги, быстро приспосабливаясь к новым обстоятельствам. Но они нуждались в руководстве, так как в большинстве это были молодые офицеры, которым нехватало зрелости, то-есть опыта, который один только и дает суждению всю его широту. Нехватало и авторитета, который обеспечивает командованию спокойное и уверенное принятие правильных и сильных решений.

Во всяком случае с самого начала весь процесс реквизиций, мобилизаций, перевозок по сосредоточению или снабжению и вся небывалая по масштабу работа тыловых служб выполнялись с идеальной точностью.

* * *

К моменту объявления войны я уже год как находился во главе 20-го корпуса.

Город Нанси и вместе с ним Лотарингия всегда особенно сильно отличались патриотическими чувствами, воодушевлявшими всю Францию. В течение более сорока лет они протягивали через границу руки своим пленным сестрам — городу Мецу и аннексированной Лотарингии. Неужели приближался день, когда их судьбы, наконец, снова должны были слиться воедино? Спокойно, в полнейшем порядке, с холодной решимостью встретить всякие случайности, мы выслушивали известия, последовательно сообщавшие нам о мерах, которые немцы принимали на своей границе: прекраще-

ние сообщений, движения поездов, проезда всех путешественников. Мы узнавали и о решениях французского правительства. Начались и продолжались мобилизация, реквизиция лошадей и повозок.

Нигде не наблюдается ни злоупотреблений, ни следов слабости. Может быть, через несколько дней у ворот города разыграется сражение, но никто не думает об отъезде — так велики уверенность каждого в своем праве, единодушная воля быть на высоте всех задач, полная вера в доблесть войск.

Здесь находится 20-й корпус со своими двумя пехотными дивизиями — 11-й и 39-й, со 2-й кавалерийской дивизией и образцовой артиллерией. Вряд ли можно было найти лучшие войска. Разве вдоль этой границы, отмечавшей территорию, оторванную от Франции, в каждом полку не таился сосредоточенный огонь?

Какую тренировку, какую подготовку эти части прошли для того, чтобы победить в великом столкновении! Какой порыв и какие темпы они заготовили для этого дня! Какой коллективный дух каждая часть выработала в себе, чтобы именно ее номер покрыл себя самой большой славой! И действительно, эти полки создали себе крепкие традиции: они выдержали все самые жестокие испытания войны. Эти полки оказались в 1918 г. одними из самых закаленных в нашей армии, хотя они и потеряли весь свой личный состав 1914 г. Еще в мирное время командовать такими войсками доставляло величайшее удовлетворение. Работоспособные и любящие свое дело офицеры всегда стремились попасть на службу в эти войска, особенно в качестве командиров отдельных войсковых частей.

Таким образом, и местные влияния и привлекательность службы сочетались между собой и создали великолепные войска и офицерский состав. Это сочетание дало 20-му корпусу людей с первоклассными качествами, знанием своего дела и лихостью. Желание «дорваться» до противника и померяться силами с ним сочеталось с таким презрением к опасности, что можно было только бояться слишком безрассудного устремления навстречу этой опасности.

Командуя такими войсками перед войной, я прилагал все усилия исключительно к тому, чтобы просветить и ввести в рамки рассудка этот замечательный пыл офицерского состава, источник всяческой энергии, а следовательно, всех надежд. Раздувать это пламя не было никакой нужды. Но надо было предупредить начальников о трудностях задачи, предостеречь их от излишней поспешности или недостаточной согласованности в боевых действиях. Счастливы начальники, которым приходится только направлять людей со столь пылкой волей!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

20-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

(25 июля — 28 августа 1914 г.)

Глава первая

20-й армейский корпус в прикрытии

(25 июля — 13 августа 1914 г.)

Вызванный 20-го июля из отпуска в Бретани ввиду становившихся все более серьезными событий, я утром 27-го июля прибыл к месту службы.

В тот же день, по распоряжению военного министра, все находившиеся в отпуску офицеры и рядовые вернулись в свои части, и мы ввели в отношении гражданского населения «положение усиленной охраны».

28-го числа вступили в силу меры, принятые для охраны границ. 29-го мы приступили к сооружению полевых укреплений с восточной стороны Нанси, предусмотренных планом обороны города. Эти полевые фортификационные работы имели целью дополнить систему фортификационных сооружений, расположенных на высотах ля Рошет, Гран Мон д'Аманс и Ранбетан¹; постройка их была начата зимой 1913—1914 г., но в июле 1914 г. оставалась еще незаконченной.

Первой задачей 20-го корпуса, расположенного в двух шагах от границы, было стать бдительным часовым, наблюдающим за противником в период напряженных политических отношений. Затем нам предстояло продолжать прикрывать на участке Нижней Мёрты мобилизацию и сосредоточение французской 2-й армии, если бы события потребовали принятия и этих мер.

30-го вечером 20-й армейский корпус поднят по тревоге. Части прикрытия, двигаясь походным порядком, занимают

¹ К северу от Донбаля, правофлангового опорного пункта обороны высот Гран-Куронэ, под Нанси.

районы, назначенные им на случай ускоренного наступления противника. Однако было определенно указано, чтобы ни одно подразделение или дозор не переходили за линию, которая, как точно установлено приказом министра, проходит в среднем в 10 км от границы.

В общем правительство решило принять меры прикрытия, ограниченные пространственно, так как выдвижению войск был поставлен точный предел на местности, а также и количественно, так как было предписано впредь до нового распоряжения не призывать запасных.

Сведения о деятельности по ту сторону границы вполне оправдывали решение правительства. Известно, особенно в Нанси, что крепость Мец частично приведена в оборонительное состояние, ее форты прочно заняты войсками. Хотя еще не призван целиком ни один год запаса, но призывы индивидуальных запасных позволили увеличить численный состав частей. По всей границе Эльзаса и Лотарингии приняты меры по прикрытию; пересекающие ее дороги преграждены и охраняются войсками. К северу от Меца происходит выгрузка войск.

Следовательно, можно с минуты на минуту опасаться внезапного наступления крупных сил противника. 20-й корпус готов встретить его во всеоружии.

По плану, составленному генеральным штабом, 20-й корпус должен был для проведения предписанных ему действий по обеспечению располагать лишь силами общей численностью в одну дивизию. Но составив силы первой линии из полков, взятых из 11-й дивизии¹ в Нанси и 39-й дивизии² в г. Туль, мы сохранили остальные части этих дивизий во второй линии, в Нанси и окрестностях города. Благодаря этому мы выиграли в том отношении, что, не выходя за пределы разрешенной численности, выдвигали в первую линию головные части 39-й дивизии, которые иначе остались бы далеко позади, а также головные части 11-й дивизии, главные силы которой, оставаясь в Нанси, сохраняли городу большую часть его гарнизона и обычный внешний вид. В то же время весь армейский корпус сосредоточивался в руках своего командира.

Во исполнение этих распоряжений 39-я дивизия выступает из Туля 31-го в 5 час. утра, а после полудня того же дня

¹ Ген. Бальфурье.

² Ген. Дантан.

располагается в южной части района Нанси. 11-я дивизия занимает северные и северо-восточные высоты Гран-Курона. Она действительно продолжает оборонительные работы, намеченные и начатые в предшествующие дни.

Первые мероприятия ввиду развития политических событий вскоре были дополнены другими. 31-го июля, около 18 час., из Парижа был получен приказ «отправить войска прикрытия», причем было подтверждено распоряжение не переходить за линию, указанную телеграммой накануне.

Когда части 11-й и 39-й дивизий узнали об этом решении, они уже находились на назначенных местах. Им оставалось только ожидать прибытия своих запасных, а командир 20-го корпуса — отдать распоряжения о действиях прикрывающих частей, в том числе и распоряжения подчиненной ему 2-й кавалерийской дивизии¹.

* * *

1-го августа в Нанси получен приказ об общей мобилизации, отправленный из Парижа в 15 ч. 55 м. того же дня.

Спустя немного времени я получаю от военного министра телеграмму, повторяющую предписание не переходить за линию, указанную 30-го июля, кроме случая наметившегося наступления противника.

Между тем я еще 31-го июля приказал выставить передовые части корпуса на линию, расположенную впереди указанной 30-го июля и прикрывающую важнейшие позиции, как то: гору Сен-Жан, высоты ля Рошет, гору Аманс, которые являются ключом к воротам Нанси. Расположившись на линии, проходящей дальше в тылу, мы оставили бы эти позиции и, следовательно, без всякой обороны отдали бы их противнику в случае вторжения его даже самыми незначительными силами. Поэтому 1-го августа я добился разрешения оставить войска в выбранном мною расположении.

Впрочем, ввиду целого ряда нарушений нашей границы германскими разведывательными партиями, правительство 2-го августа сняло запрет переходить за линию, пролегающую в 10 км от границы, и предоставило главнокомандующему французскими армиями «полную свободу действий». (В оригинале «движений». — Ред.)

¹ Ген. Леско.

Ген. Жоффр передал это распоряжение начальникам участков прикрытия телефонограммой от 2-го августа в 17 ч. 30 м., добавив, что «по государственным соображениям морального порядка и повелительным причинам дипломатического порядка» надо во что бы то ни стало воздерживаться от перехода границы и ограничиваться энергичным отражением атак противника, отнюдь не провоцируя их.

Вскоре после этой телефонограммы я получаю от главнокомандующего шифрованную телеграмму с *общей и секретной инструкцией для прикрытия*, содержащую в частности следующие указания:

«Главногокомандующий имеет намерение перейти в общее наступление, только когда все его силы будут в сборе. Имея в виду последующее развитие плана операций, различные части прикрытия, помимо обеспечения мобилизации и сосредоточения, должны придерживаться следующих указаний:

в) 20-му армейскому корпусу — ускорить создание организуемого временного плацдарма к востоку от Нанси для обеспечения выхода через р. Мёрт.

Штаб главнокомандующего с 6 часов 5 августа в Витриле-Франсуа».

Отданные уже мною распоряжения вполне соответствуют намерениям главнокомандующего.

Мобилизация 20-го корпуса протекает в отличном порядке и быстро.

В первой линии дивизии работают с порывом, дождь, выпавший пополудни 2-го августа, не охладил их рвения. Необходимо обеспечить занятие указанного фронта минимальными силами, и на это именно направлены общие усилия.

Моральное состояние войск превосходное. Они, видимо, вполне уверены в себе и горят желанием двинуться вперед. Но полученные перед тем распоряжения категоричны, и главнокомандующий еще раз повторяет их телефонограммой от 3-го августа в 10 ч. 30 м., настаивая «на повелительной необходимости не переходить через границу». Однако войскам первой линии разрешено выдвинуть разведывательные дозоры, но не далее чем на 2 км вперед от указанной прежде линии фронта.

Получаемые нами сведения о немцах говорят о сосредото-

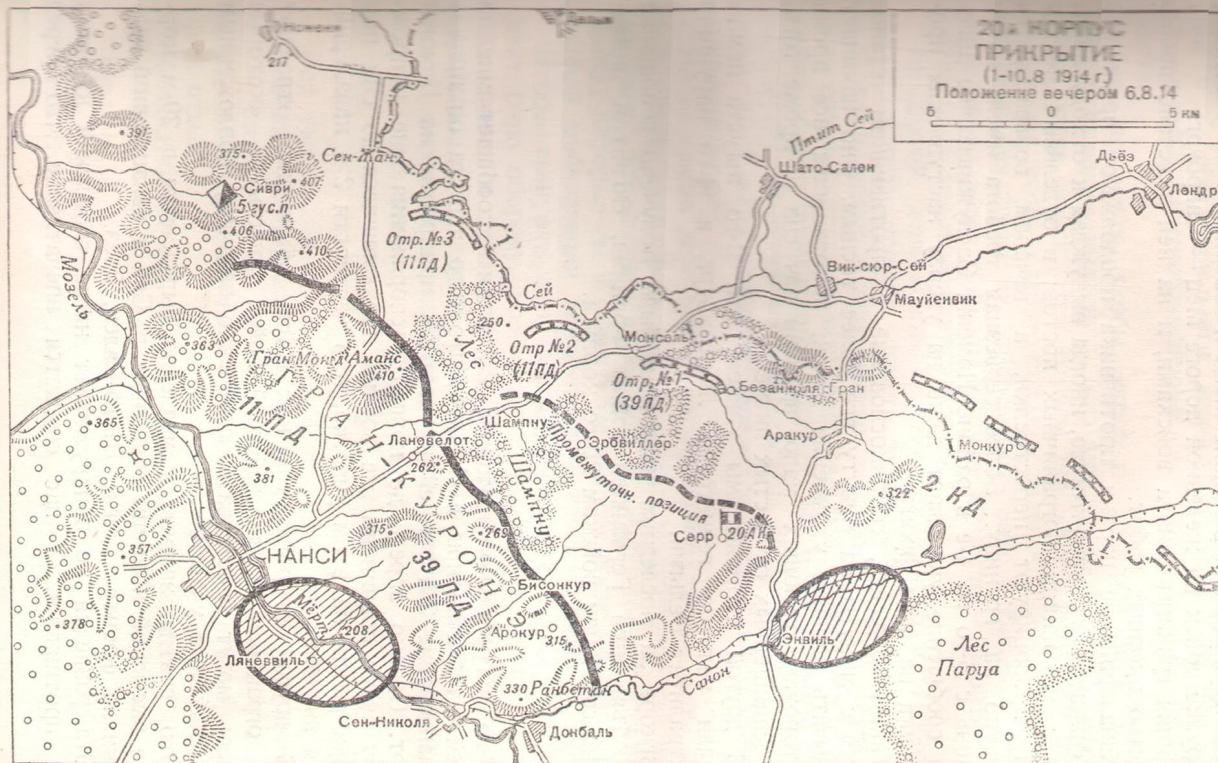

Схема 1

чении крупных сил в районе Меца и севернее и об усиленной выгрузке войск на железной дороге Мец — Саарбург.

Линия границы занята войсками, и на ней замечено производство окопных работ.

Кавалерийские партии противника продолжают проникать на французскую территорию, иногда вынуждая к отходу некоторые из наших пограничных постов; в отдельных местах они провоцируют перестрелки, а вечером возвращаются обратно за границу. Более серьезная тревога имела место в ночь с 3-го на 4-е в районе Номени. Заслуживающее доверия сообщение указывает даже на угрозу наступления противника на всем фронте.

Таким образом, соприкосновение с противником становится с минуты на минуту все более тесным. Оно начинает вызывать сильное утомление войск, находящихся все время настороже, имеющих мало времени для сна и, кроме того, не защищенных от частых ливней.

С другой стороны, мы узнаем, что 2-го августа немцы заняли великое герцогство Люксембург, а 4-го нарушили нейтралитет Бельгии.

Вскоре за последним известием было получено сообщение об объявлении Германией войны Франции. Об этом немедленно сообщили войскам 20-го корпуса.

* * *

5-го августа командующий 2-й армией сообщает мне из своей штаб-квартиры в Нешато, что 6-го августа он примет командование 2-й армией и участком прикрытия на Нижней Мёрт. Однако впредь до нового распоряжения мне попрежнему будут подчинены все войска, находившиеся до сих пор в прикрытии на этом участке, и в частности 2-я кавалерийская дивизия.

С другой стороны, так как война объявлена, отпадают все ограничения для действий войск прикрытия, «которые теперь могут действовать сообразно задачам, возложенным на отдельные участки».

Это снятие запрета немедленно выражается в 20-м корпусе высылкой конницы вперед на р. Сей и авиационной разведки на фронте Дельм, Шато-Сален, Дьёз.

Эта разведка не обнаруживает нигде скоплений крупных сил противника. У нас создается впечатление, что перед

фронтом 20-го корпуса он занимает выжидательное положение и в действительности держит в первой линии лишь сравнительно немногочисленные и разбросанные пехотные части.

Тем не менее, чтобы укрепить прикрывающую группировку, я решаю выдвинуть 6-го августа до р. Сей отряды из всех родов войск. Эти отряды при своем движении вперед встречают лишь слабые подразделения конницы и самокатчиков и без труда их отбрасывают. Зато в Вике и Муайен-вике наши кавалерийские отряды вынуждены отойти перед германской пехотой и артиллерией.

На другой день ложная тревога в этом районе диктует необходимость усилить фланги прикрывающей группировки.

С этой целью я приказываю выслать в район горы Сен-Жан сильный отряд из всех родов войск с задачей прикрывать левый фланг армейского корпуса. На правом фланге 2-я кавалерийская дивизия усиливается на своем участке прикрытием 10-й кавалерийской дивизии¹, предоставленной в мое распоряжение.

Но на самом деле противник проявляет теперь лишь очень небольшую активность. Судя по всем полученным сведениям, он занят приведением в порядок и завершением организации войск, которые он в первую же минуту после спешно проведенной мобилизации эшелонировал вдоль границы.

Чтобы выиграть необходимое для этого время, он усиливает свою оборону, подорвав плотину пруда Лендр и вызвав наводнение в долине р. Сей, распространившееся уже до Муайенвика. С другой стороны, чтобы сохранить возможность перехода в наступление, он оставляет нетронутыми мосты через реку.

* * *

Вот уже десять дней, как части 20-го корпуса все время находятся настороже. Прибытие в Лотарингию, начиная с 8-го августа, 16-го² и 15-го³ армейских корпусов позволяет постепенно сменить части 20-го корпуса и дать им некоторый отдых.

Командующий 2-й армией приказывает разделить участок

¹ Ген. Конно.

² Ген. Таверна.

³ Ген. Эспинас.

прикрытия Нижней Мёрт на три полосы: 20-го корпуса — слева, 15-го — в центре, 16-го — справа.

С 12-го августа начинает, в свою очередь, выгружаться 9-й корпус¹, что позволяет еще уменьшить фронт, занятый 20-м корпусом, который с этого времени может считать свое положение вполне прочным.

Так заканчивается выжидательный период. Как мы видели, нам с 20-м корпусом пришлось прикрывать сосредоточение 2-й армии. Отсюда целый ряд мероприятий, имевших целью впредь до окончания сбора армии воспрепятствовать действиям противника на нашей территории, не стараясь завязать бой или вызвать его даже для получения сведений о его расположении. За истекшие две недели близкое соседство между войсковыми массами обеих сторон, непосредственное соприкосновение с отрядами противника могли ввиду возбужденного состояния войск вызвать нежелательные и серьезные инциденты. Потребовались общая бдительность и самообладание, чтобы избежать всяких неожиданностей. Столкновение, если бы оно произошло, было бы преждевременным и противоречило бы планам главного командования.

20-й корпус становится одним из крупных соединений 2-й армии наравне с прочими ее корпусами — 9-м, 15-м, 16-м, 18-м. Ему предстоит действовать согласно распоряжению командующего этой армией.

2-я армия располагается для наступления. Остается определить объекты этого наступления.

Глава вторая

20-й корпус при наступлении в Лотарингии. Сражение под Моранжем

(14 — 20 августа 1914 г.)

Французское наступление крупного масштаба в Лотарингии оправдывалось как демонстрация, имевшая целью сковать в этом районе находившиеся там значительные германские силы.

Нашествие на Люксембург и Бельгию, развивавшееся в это время, должно было увлечь в северные области и удержать там большую часть армий противника.

¹ Ген. Дюбуа.

Наступлением в Лотарингии нельзя было рассчитывать на успехи на этом самостоятельном направлении, изолированном от главного театра военных действий. Нельзя было ожидать успехов, способных изменить результаты великого столкновения, в котором наши главные силы должны были встретиться с основной массой противника в отдаленном районе.

Кроме того, это наступление представляло серьезное затруднение и реальную опасность. Действительно, Лотарингия была изолированным театром, замкнутым почти со всех сторон, имевшим своеобразный рельеф и особенно сильно укрепленным. Она представляла собой вытянутый треугольник, основание которого, составлявшее общую границу Франции и Германии, было открыто, а двумя сторонами которого служили р. Мозель на западе и р. Саар на востоке— две серьезные преграды.

От театра, где должно было произойти столкновение между главными силами, район отделяла р. Мозель. Эта река была заперта крепостью Мец—Тионвиль, прикрывавшей берега реки на большом протяжении. Тем самым еще увеличивалась и без того значительная сила преграды, имевшейся между Лотарингией и северным театром. Вместе с обширными прикрывавшими ее укреплениями эта река являлась превосходной базой для контратак многочисленными резервами. Противник мог в тот или другой момент выделить из своих ведущих операции армий эти резервы. Ему нетрудно было быстро перебросить их по нескольким железным дорогам, сходящимся к Мецу и Тионвилю, и собрать в районе, полностью прикрытом артиллерией этих крепостей. Отсюда ему было бы легко бросить их в сражение в Лотарингии, если бы это доставило ему какую-нибудь выгоду.

На востоке и на севере р. Саар также являлась хорошей преградой, поддержанной с тыла и с юга крепостью Страсбург и линией р. Брюш с Мольсхеймским укреплением. Она несомненно могла обеспечить сосредоточение значительных германских резервов. Таким образом, она представляла собой вторую линию, могущую служить исходной базой мощного контрнаступления.

Между этими двумя реками, близ середины треугольника, линия рр. Роттэ, Альбе, являющаяся продолжением линии р. Немецкий Нид, была уже несколько лет укреплена и связана укреплениями с Тионвилем. Она образовывала прочную поперечную линию, третью преграду и исходную базу для

маневра, которую можно было легко и с выгодой использовать в сочетании с двумя первыми.

От высоты Дельм, крайнего пункта передовых укреплений Меца, до р. Саар под Саарбургом имелось пространство шириной в 45 км, открытое для французского наступления. Большая часть этого пространства (от Саарбурга до Дьёза, 25 км) была, не говоря уже об обширных лесах, сильно пересечена каналами и большими прудами, что очень облегчало противнику оборону. На остальном пространстве (от Дьёза до Дельма, около 20 км) виднелись многочисленные вышки, установленные за несколько лет перед тем и распределенные в полосе глубиной в несколько километров, начиная от самой границы. Эти вышки были признаком специальной подготовки к артиллерийской борьбе на данном участке.

Как мы видим, Лотарингский театр, сам по себе узкий и изобилующий естественными препятствиями, обладал еще и многочисленными фортификационными сооружениями. Со своими фланговыми позициями и фронтальными оборонительными линиями, опиравшимися на большие крепости Страсбург и Мец — Тионвиль, располагая густой сетью железных дорог, он представлял в руках германского командования поле сражения, отлично подготовленное для того, чтобы небольшими силами задержать противника. В случае же необходимости они могли нанести ему чувствительное поражение, комбинируя фронтальные скользящие действия с фланговыми контратаками. Он обеспечивал также германскому командованию при небольшой затрате сил более широкий маневр армий, ищущих решительного сражения на сравнительно открытых равнинах Северной Франции. Но Лотарингский театр нельзя было рекомендовать командованию в качестве исходного плацдарма для крупного наступления, которое привело бы в очень трудно проходимый район без всяких шансов захвата объекта решающего значения.

С другой стороны, французское наступление с целью дать сражение в Лотарингии можно было вести лишь с большой осторожностью.

Удобным для наступления был только промежуток от Дельма до Дьёза, шириной около 20 км; при этом приходилось считаться с наличием там таинственных вышек. Восточнее Дьёза начинались леса, каналы, пруды, тянущиеся до

самой р. Саар. Таким образом, наступающим французским войскам угрожал бы с правого фланга противник, могущий выйти с Верхнего Саара и р. Брюш.

Продолжая продвижение по лотарингской земле, левый фланг французов оказался бы под ударом противника из района Меца и р. Мозель. Кроме того, в своей узкой полосе наступления могли встретиться преграды, могущие задержать их продвижение.

Трудно было надеяться на успех такого предприятия, как наступление при постоянной угрозе обоим флангам. Эта угроза возрастала бы по мере продвижения. Нельзя было предвидеть, где и когда тактический успех положит конец все возрастающей опасности и позволит изменить стратегическое положение, дающее немцам возможность на каждом шагу свести на-нет наши тактические успехи.

В самом деле, раз немецкая мышеловка была устроена так, как это было в августе 1914 г., могли ли мы надеяться мощным натиском прорваться через нее, несмотря на ее незначительную глубину в 60 км, и выйти из нее, чтобы добиться решительных результатов, прежде чем она захлопнется? Это было бы более чем рискованно. Но нам достаточно было посредством повторных ударов демонстративного наступления заставить противника держать эту мышеловку открытой, чтобы сковать его силы в этом районе и тем самым оказать поддержку великому сражению, которое должно было разыграться в другом месте.

12-го августа командующий 2-й армией присылает свои распоряжения относительно операций, которые намечалось начать 14-го августа. 2-я армия, прикрывшись в северном направлении, должна сперва действовать наступательно, растягиваясь на восток в район Аврикур, связаться там с 1-й армией, а затем перейти в наступление слева от этой армии, в северо-восточном направлении.

Эта операция должна быть проведена 16-м и 15-м корпусами и главными силами 20-го корпуса уступом слева, причем остальным частям приказано прикрывать наступление.

В частности 20-му корпусу придется наступать на гребень Донлэ, Жювлиз. Справа от него 15-й корпус поведет наступление в направлении на Эллоккур, 16-й корпус — на Аврикур, тогда как слева 9-й корпус, расположившись от Монселя до р. Мозель, будет прикрывать наступление.

Наконец, в тылу 2-я группа резервных дивизий (59-я и

58-я)¹, выгружающаяся в настоящее время на железной дороге, должна по мере прибытия своих частей расположиться на позиции, подготовленной к востоку от Нанси.

Во исполнение этих распоряжений моему корпусу предстояло выступить в 7 час., имея 11-ю дивизию справа и 39-ю слева. Он будет прикрываться отрядом под командой ген. Вирбеля, действующим по обе стороны шоссе на дороге на Монсель, имея связь с 9-м корпусом.

Сведения, добытые авиацией, указывают на то, что немцы усердно производят оборонительные работы в непосредственной близости к границе, вдоль шоссе из Меца на Саарбург между Дельм и Мезьер.

От внимания командующего 2-й армией не ускользнули вышеуказанные трудности наступления, предпринятого в этом районе. Поэтому он обратил внимание командиров своих корпусов на необходимость планомерной организации атак путем подготовки и поддержки каждого скачка пехоты вперед сильным артиллерийским огнем. Кроме того, он указывает рубеж, которого им надлежало достигнуть к концу дня, но не переступить.

План, намеченный на 14-е августа, осуществляется сначала без серьезных затруднений. Утром дивизии 20-го корпуса легко заняли высоты, командующие над пограничным гребнем. Сторожевое охранение, выставленное на этом участке фронта, отошло без боя.

Насколько легким было продвижение корпуса утром, настолько же трудным оно становится после полудня. Хотя, приближаясь к гребню, части встречают лишь очень осторожно действующую пехоту, зато они подвергаются огню артиллерии, в том числе в большом количестве тяжелых орудий, отлично пристрелявшихся по главным ориентирам, расположенным на границе. Благодаря своей дальнбойности эти орудия расположились на такой дистанции, что наши полевые пушки не могут их поражать.

Однако, несмотря на этот огонь и вызванные им потери, корпусу удается достигнуть указанных ему рубежей.

Части первого эшелона окапываются на занятых ими позициях, обеспечивая их против контратак, и находятся в готовности двинуться с них на другой день вперед. Штаб 20-го корпуса располагается в Серре.

¹ Ген. Леон-Дюран.

Уже сказываются превосходство вооружения противника и все выгоды, вытекающие для него из оборудованной для обороны местности. Не говоря уже о количестве орудий, введенных им в дело, его крупнокалиберные орудия, превосходящие своей дальностью нашу артиллерию, завязывают и ведут бой на дистанции, на которой мы отвечать не можем. Они ведут очень меткий, заранее подготовленный огонь. Уже теперь выясняется, что необходимо, прежде чем на поле сражения сможет действовать пехота, подавлять артиллерию противника. Пехота может двигаться только небольшими частями. С самого же начала стремление пехоты сблизиться с противником, раздавить его своим огнем и броситься на него в атаку разбивается об огонь артиллерии противника. Придется подавлять эту артиллерию огнем нашей артиллерии, прежде чем требовать от последней подготовки и поддержки наступления нашей пехоты. Столкновение между двумя большими армиями после сорока лет мирного времени привело к поразительным откровениям в военном искусстве. Нам предстояло постепенно выправлять и дополнять нашу тактику. Но с первых же дней на высшее командование легла забота о том, чтобы сдерживать порыв слишком увлекающихся людей и заставить их более тщательно готовить свои боевые действия.

15-го числа наступление должно возобновиться в 4 часа утра.

На 20-й корпус возложена частная задача прикрывать наступление 15-го корпуса на Мезьер и с севера, а остальными силами наступать на Донлэ.

Чтобы начать движение, ему приходилось ждать выхода 15-го корпуса на одну линию с ним. Но в действительности 15-й корпус оказался в течение всего дня прикованным к месту.

Из 15-го корпуса утром доносят, что он сможет возобновить наступление только 16-го, так как накануне корпус понес большие потери и вынужден сменить дивизию первого эшелона.

Для 20-го корпуса это означает остановку, неподвижность, тем более неприятную, что германская артиллерия держит его под сильным и метким огнем орудий крупных калибров.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, вытекающую из этого вынужденного ожидания, и связанные с ним потери,

20-й корпус остается готовым возобновить наступление на следующий день.

Согласно приказу командующего 2-й армией наступление предложено продолжать 16-го августа на всем ее фронте.

С другой стороны, выводы, сделанные из боев 14-го и 15-го августа, заставляют командующего 2-й армией обратиться к командирам ее корпусов с запиской «об образе действий при атаке оборонительных сооружений». В ней говорится о необходимости методически руководить продвижением вперед «до того момента, когда прочное оборудование занятой местности и тщательная подготовка стрельбы артиллерии позволят организовать комбинированные атаки пехоты и артиллерии против намеченных для захвата пунктов».

Со своей стороны я указал своим войскам на первостепенную важность действий артиллерии и обратил их внимание на это обстоятельство, связывая его с предстоящими боями 16-го августа.

16-го августа события развиваются совершенно другим темпом, чем в предшествующие дни.

В 7 час. правофланговые части 20-го корпуса начинают продвигаться вперед.

Перед ними пустое место, и они продвигаются вперед, не подвергаясь ни ружейному ни артиллерийскому огню со стороны противника. Местные жители сообщают, что немцы еще с утра 15-го начали отходить в направлении на Дьёз и что их отход продолжался всю ночь на 16-е августа.

Одиночные пленные единогласно признают деморализующее действие наших 75-мм пушек.

Местами мы находим следы поспешного отступления. Так, офицерский разъезд 5-го гусарского полка доносит о найденных им в большом количестве снаряжении и снарядах, брошенных противником.

При такой обстановке я тороплю войска, приказываю энергичнее установить соприкосновение с противником на всем фронте и как можно скорее завладеть линией Донлэ, Жювлиз.

К концу дня 20-й корпус прочно располагается в этих пунктах, имея левый фланг на р. Сей в районе Шато-Сален.

17-го августа 2-я армия начинает поворачиваться фронтом на север, имея в виду последующий переход в наступление в этом направлении.

20-му армейскому корпусу приказано только расположиться фронтом на север и стянуться к левому флангу, имея правый фланг на высотах к югу от Марсаль.

Передвижения, необходимые для выполнения этого распоряжения, производятся в течение дня. Дождь, который не переставал с 16-го августа, продолжается весь день 17-го и очень затрудняет движения войск. К наступлению темноты головы колонн 20-го корпуса выходят на высоту к югу от р. Сей, между Марсаль и Шанбрэ, фронтом на север.

В течение дня 5-й гусарский полк после стычки с германским отрядом занял Морвиль и Шато-Сален.

18-го днем 2-я армия заканчивает свой поворот и подготавливает переход в наступление в северном направлении.

По завершении этих предварительных мероприятий наступление должно возобновиться 19-го августа и вестись энергично, нося характер преследования, так как, выражаясь словами директивы № 3 командующего армией от 18-го августа, «противник отходит перед нами; в частности он очистил Саарбург и Шато-Сален.

В общих интересах необходимо преследовать его со всей возможной энергией и быстротой.

Для достижения этого командующий 2-й армией рассчитывает на энергию и порыв всех войск.

Он предлагает командирам корпусов вдохнуть в свои войска настроение, отличное от методичности, необходимой при наступлении на заранее подготовленные оборонительные позиции.

С этой же целью части, замедляющие движение, должны быть переведены в хвосты колонн до того времени, когда представится необходимым ввести их в дело».

Порядок выполнения директивы указывается в приказе от того же числа:

«...Завтра, 19-го, армии продолжать наступление с целью выхода на фронт Саарбрюкен, Понт-а-Муссон.

Головам главных сил пройти в 8 час. линию р. Сей, канал Салин и к концу дня достигнуть линии р. Альбе ниже Ленинга, Вирминген, Моранж, Баронвиль.

16-му армейскому корпусу, прикрывая армию с востока, двигаться в общем направлении на Ленинг, Сент-Аволь...

15-му армейскому корпусу наступать в общем направлении на Родальб, Пон-Пьер.

20-му армейскому корпусу перейти в наступление западнее

Марсаль (для 20-го корпуса вкл.) в общем направлении на Шато-Сален, Фолькмон.

Группе резервных дивизий прикрывать левый фланг армии в общем направлении на Мец. По мере продвижения расположиться фронтом на северо-запад, чтобы воспротивиться наступлению противника из района Меца.

С 17-го числа 18-й армейский корпус больше не входит в состав 2-й армии.

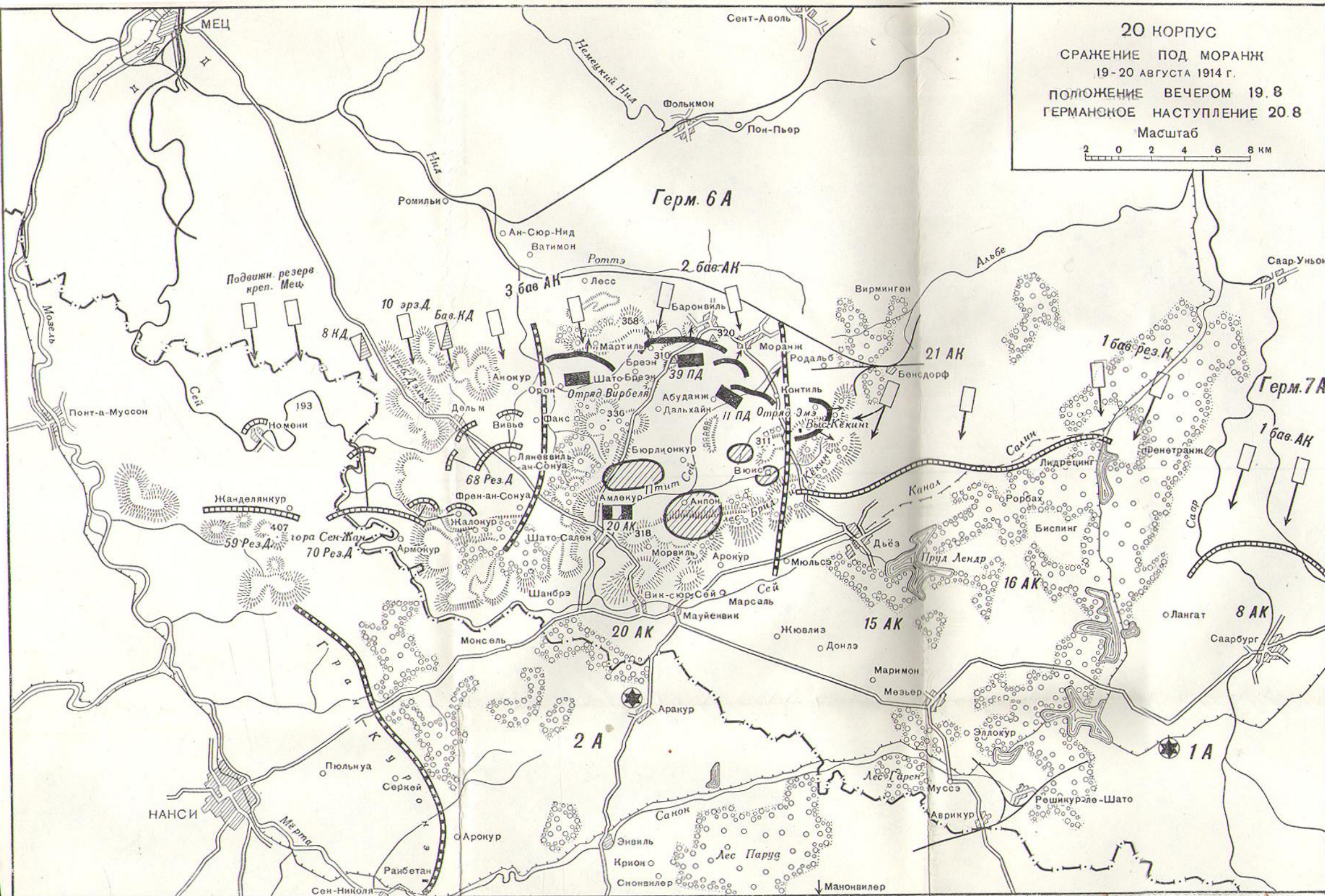
9-й армейский корпус перешел в распоряжение главнокомандующего».

Выход этих двух армейских корпусов из состава 2-й армии значительно ослабил, а следовательно, и уменьшил ее возможности. В частности для обеспечения своего левого фланга она располагала теперь только группой резервных дивизий, которой по мере продвижения армии предстояло растянуться более чем на 50 км. Это было более чем ненадежное прикрытие, можно сказать, несуществующее прикрытие. Главное командование несомненно имело какие-то весьма серьезные сведения, если оно при таких условиях предприняло наступательное движение, стараясь его ускорить, и для которого оно указывало такие отдаленные цели, как дорога из Понт-а-Муссон в Саарбрюкен.

Вот первая мысль, на которую натолкнуло меня чтение этих распоряжений. События, в которых до сих пор принимала участие 2-я армия, не представляли, по моему мнению, серьезного столкновения с противником. Они не могли принудить его к отступлению крупного масштаба, а тем более повлечь за собой его разложение.

До сих пор имело место только единоборство артиллерии. Для того чтобы 2-я армия с только что ослабленным составом, к тому же ненадежно прикрытая со стороны Меца, могла предпринять предписанное 18-го августа быстрое продвижение в районе, представляющем уже известные нам опасности, и с такими отдаленными целями, очевидно, было необходимо, думал я, чтобы главное командование получило особые сведения, могущие оправдать намеченную операцию.

Как бы то ни было, я во исполнение этих распоряжений отдаю 20-му корпусу приказ о наступлении на фронт Баронвиль, Моранж, причем 11-я дивизия была нацелена на фронт Моранж, Синьяль де Баронвиль, а 39-я дивизия — на Баронвиль, Синьяль де Мартиль.

Корпус попрежнему прикрыт слева группой Вирбеля, обеспечивающей связь с 68-й резервной дивизией.

19-го, в 9-м часу, я располагаюсь на своем командном пункте на дороге из Вик в Шато-Сален.

Утром движение правофланговой 11-й дивизии сильно замедляется лесистой местностью; левее 39-я дивизия и отряд Вирбеля продвигаются значительно свободнее.

По словам жителей, район Дельм очищен противником, но в районе Баронвиль находятся его значительные силы.

В 14 час. 11-я дивизия, только что перешедшая р. Питт-Сей, попадает под сильный и меткий артиллерийский и пулеметный огонь; она терпит значительные потери. Ей удается, маневрируя по низинам, находящимся на ее левом фланге, дойти до Певанж, где она к наступлению темноты и окапывается. Здесь заканчивается на этот день ее продвижение.

Тем временем 39-я дивизия бросает один полк на Баронвиль, а другой на Мартиль и Синьяль де Мартиль. Эти полки немедленно попадают под сильный огонь артиллерии противника. Однако они продвигаются вперед. В 16 ч. 30 м. 160-й полк находится к югу от Синьяль де Баронвиль, тогда как 153-й занимает Мартиль и Синьяль де Мартиль; отряд Вирбеля выдвинулся севернее леса Шато-Сален.

Полностью достигнуть в этот день рубежей, указанных 20-му корпусу, не представляется возможным. Пехотные части пострадали от огня артиллерии противника. Необходимо привести их в порядок, прежде чем атаковать сильную позицию Моранж, Баронвиль. Нужно также провести серьезную артиллерийскую подготовку. Все это требует времени, которым мы в этот вечер не располагаем.

С другой стороны, 11-я дивизия, которая должна была нанести главный удар, вынуждена выделить часть сил для обеспечения своего еще никем не прикрытого правого фланга.

Дело в том, что продвижение 15-го корпуса далеко не такое, как у 20-го; в частности его левому флангу еще не удалось выйти из леса Брид и Кёкинг.

Поэтому я в 16 ч. 30 м. приказал 11-й дивизии обеспечить свой правый фланг, прочно заняв высоту Кёкинг.

Впрочем, это распоряжение соответствует частному приказу, который командующий 2-й армией отдает мне в 17 ч. 20 м.

«Командующий 2-й армией приказывает командиру 20-го

корпуса поддержать части 30-й дивизии, ведущие бой у северных выходов из леса Брид и Кёкинг.

20-му армейскому корпусу выставить на ночь охранение на дорогу из Контиль на Дьёз».

Так заканчивается день. Прежде чем уехать со своего командного пункта в Бюрлионкуре, я отдаю необходимые распоряжения по устройству войск на ночь и о ночных действиях. Затем я возвращаюсь в свой штаб, в Шато-Сален, в то время как войска устраиваются на занятой местности.

В общем армейский корпус, покрыв без затруднений большую часть перехода, продвинулся километров на 20 от своего исходного рубежа — р. Сей. Подойдя к высотам Мартиль, Баронвиль, Моранж, он был встречен сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем, который причинил ему потери, но не сломил его порыва и не помешал ему занять Мартиль и Синьяль де Мартиль.

Расположение, занятое им к концу дня, и наличие резервов силой в шесть батальонов благоприятствуют атаке на следующий день высот, назначенных ему для захвата, при условии мощной поддержки со стороны своей артиллерии. Однако необходимо, чтобы его правый фланг был обеспечен выдвижением на одну линию с ним 15-го корпуса. Задача прикрытия левого фланга возложена на группу резервных дивизий, мне не подчиненную, передовая дивизия которой еще значительно отстала от левого фланга 20-го корпуса.

Вечером 19-го я не получаю новых директив и информации от 2-й армии и, не видя никаких перемен, продолжаю придерживаться приказа командующего 2-й армией от 18-го августа. Так, поздно ночью из Шато-Сален я приказываю возобновить наступление в 6 час. Но когда настал этот час, оказалось, что новые события уже настолько изменили обстановку, что наступление не может быть проведено.

Дело в том, что днем 19-го августа 2-я армия вместо простого наступательного марша завязала на всем фронте сражение с основательно укрепившимся противником.

Ее правофланговые корпуса продвинулись меньше, чем 20-й корпус. 16-й корпус не смог выдвинуться к северу от канала Салин, а левый фланг 15-го корпуса был, как мы видели, задержан в южной части леса Кёкинг. Таким образом, эти два корпуса были еще очень далеко от указанных им в приказе от 18-го августа целей их движения за день 19-го.

Поэтому командующий 2-й армией отдал на 20-е августа новый приказ¹, предписывавший 15-му и 16-му корпусам с 5 час. наступать в тесном взаимодействии и отбросить противника к железной дороге Бенсдорф, Саарбург; 20-му корпусу было приказано расположиться на захваченной им местности, тогда как группа резервных дивизий должна была оказывать сопротивление в направлении Меца. Последняя задача была, бесспорно, трудновыполнимой для войск столь слабого состава и с ограниченными средствами, в особенности в отношении артиллерии.

Здесь начинает сказываться опасность движения вблизи крепости Меца, по местности, планомерно оборудованной для обороны, в изобилии обеспеченной железными дорогами и выгрузочными платформами и хорошо изученной противником.

Во всяком случае 20-го в 5 ч. 15 м. утра я доношу командующему армией, что 20-й корпус оставался в течение ночи на занятых им местах и рассчитывает в 6 час. возобновить наступление. Попрежнему заботясь о безопасности правого фланга и имея в виду поддержку, которую я должен был оказывать 15-му корпусу, я приказываю 11-й дивизии усилить части, занимающие Кёкингские высоты, добавляя, что «одной из существенных задач 20-го корпуса является поддержка левого фланга 15-го корпуса. Если выделенный отряд может, как ему приказано, теперь же вступить в дело, он действительным образом выполнит свою задачу, если будет вести сильный огонь в направлении на Бургальтроф».

Но в этот момент уже сказывается влияние действий, предпринятых противником.

Дело в том, что в районе Ан-сюр-Нид всю ночь было слышно усиленное движение поездов — признак прибытия к противнику значительных подкреплений; вскоре должно было начаться его общее фронтальное и фланговое наступление. Еще до рассвета 20-го августа многочисленные группы противника, оттеснив охранение отряда Вирбеля, атаковали его позиции. Сильная германская артиллерия, действовавшая совместно с артиллерией, расположенной на высотах Мартиль

¹ Этот приказ не был получен ни 20-м корпусом, ни 68-й резервной дивизией. Я ознакомился с его сутью, но не текстом, только утром 20-го на своем командном пункте в Бюрлионкуре. В это время события, вызванные инициативой противника, внесли глубокие изменения в общее положение армии.

и Баронвиль, обрушилась огнем с фланга и фронта на головные части 39-й дивизии. Этим огнем отряд Вирбеля был отброшен на опушку леса Шато-Сален.

Германское наступление, которому предшествует мощная артиллерийская подготовка, вскоре распространяется на весь фронт 39-й дивизии. Дивизия, подвергшись сильным атакам, начавшимся в 5 ч. 30 м., оставляет Мартиль и Синьяль де Мартиль. Два дивизиона ее артиллерии выведены из строя. Дивизия вынуждена отойти на Шато-Бреэн, Бреэн.

Этим срывается план наступления 11-й дивизии на Моранж. К тому же она с рассвета подвергалась сильным атакам, в результате которых потеряла Контиль. Но войска не были расстроены, так как наша артиллерия сумела остановить движение пехоты противника.

Правее отряд на высоте Кёкинг также был атакован с 5 час. силами из всех родов войск, наступавшими как с востока, так и с северных опушек леса Брид и Кёкинг. Он потерял незначительное пространство, но продолжал держаться стойко.

В итоге к 7 час. утра противник потеснил 39-ю дивизию, которая вынуждена была отойти и снова перейти к обороне. Теперь противник был задержан на всем фронте 11-й дивизии, правофланговые части которой могли действовать в интересах 15-го корпуса.

Последний, контратакованный на всем своем фронте, находился в критическом положении. В 7 ч. 15 м. командующий 2-й армией отдал мне следующий приказ:

«Начинается сильное наступление противника из леса Брид и Кёкинг во фланг 30-й дивизии.

Немедленно атакуйте в направлении на Лидрецинг, чтобы задержать это наступление и выручить 15-й армейский корпус».

Ввиду общей обстановки и во исполнение этого распоряжения я приказываю своим войскам упорно обороняться в занимаемом ими расположении и предписываю устроить в тылу линию сопротивления, проходящую через Шато-Бреэн, Дальхайн, лес Абуданж, высоту Кёкинг, куда и направляются мои резервы.

В то же время отряд на высоте Кёкинг усиливается и получает приказ немедленно атаковать противника для поддержки 15-го корпуса.

Тем временем на моем левом фланге развиваются события, требующие моего внимания. Противник охватил левый фланг

отряда Вирбеля и ворвался в рошу Вивье. К 10 час. он вынуждает 68-ю резервную дивизию в свою очередь очистить Факс и Вивье и отойти на Ляневвиль-ан-Сонуа. Вскоре фронт его наступления расширяется до дороги из Дельм на Шато-Сален, причем наступление направлено на этот последний пункт. С этой стороны создается угроза не только флангу, но и тылу 20-го корпуса.

В это же самое время, в результате предпринятого противником общего наступления, на фронте 15-го и 16-го корпусов произошли события, еще более изменившие обстановку. Они заставили командующего армией еще в 7 ч. 15 м. отдать приказ об отводе назад замыкающей дивизии 16-го корпуса. Левый фланг 15-го корпуса, атакованный крупными силами противника из леса Брид и Кёкинг, был отброшен назад, увлекая при своем отходе свои правофланговые части и сильно пострадавшие левофланговые части 16-го корпуса.

При таких условиях командующий 2-й армией отдает в 10 ч. 10 м. распоряжение об общем отходе, приказав:

15-му корпусу расположиться на фронте Марсаль, Маримон;
16-му корпусу — отходить в направлении на Мезьер и Решикур-ле-Шато;

20-му корпусу — загнать назад «правый фланг, опереться на р. Сей в Марсале и удерживать фронт Марсаль, Анпон, Амлекур, Френ-ан-Сонуа, Жалюкур».

Этот приказ является для меня полнейшей неожиданностью, так как хотя мне неизвестны затруднения, встреченные правее 16-м и 15-м корпусами, а также продвижение наступающих немцев левее от меня по дороге из Дельм, я знаю, что на исходе утра мой 20-й корпус прочно уцепился за северную опушку леса Шато-Сален. Мне известно, что он с успехом ведет борьбу к северу от линии сопротивления, занятой моими резервами, и на правом фланге организует наступление с целью облегчить положение 15-го армейского корпуса. На всем фронте 20-го корпуса действительность и сила огня германской тяжелой и полевой артиллерии, расположенной на высотах Моранж, Баронвиль, Мартиль, значительно уменьшились благодаря увеличению дистанции; этой артиллерии трудно спуститься со своих позиций на высоты. Наступление противника дальше не развивается. Нельзя сомневаться в том, что корпус удержится на позициях, занимаемых им в настоящее время, хотя его фронт превышает 15 км.

Я намеревался прежде всего закрепить войска в занятом ими положении, остановить противника перед нашими позициями, а затем возобновить борьбу, обеспечив связь с 15-м корпусом справа и безопасность левого фланга. Но вдруг поступил вышеупомянутый приказ командующего армией, отданный в Мезьере, а за ним еще директива от 11 ч. 45 м. из Аракура следующего содержания:

«В случае, если 2-я армия вынуждена будет к отходу, отходить:

16-му корпусу в общем направлении на Люневиль, опираясь на форт Манонвилер и лес Паруа;

15-му корпусу в общем направлении на Донбаль;

20-му корпусу в общем направлении на Сен-Николя, Люневиль; группе резервных дивизий занять укрепления на Куронэ¹, северо-восточнее Нанси. Все обозы, парки, транспорты перевести на левый берег р. Мёрт».

Очевидно, в основу обоих этих распоряжений легла более полная осведомленность об общей обстановке в армии, в особенности в 15-м и 16-м корпусах.

Эти корпуса подверглись очень сильным атакам, вызвавшим их глубокий отход к югу от района прудов. Во исполнение приказа по армии от 10 ч. 10 м. я в 11 ч. 45 м. отдаю распоряжение об отходе моих дивизий на указанный фронт.

Во время доставки им этого приказа я получаю от командующего армией новую директиву, гласящую:

«Общая задача 20-го корпуса — прикрывать отход 2-й армии, возможно дольше удерживаясь на предместном укреплении в Шато-Сален.

В распоряжение командира корпуса передается 68-я резервная дивизия».

В приказании, уже отданные мною 20-му корпусу и в данную минуту приводящиеся в исполнение, никаких изменений вносить не приходится. Я только дополняю эти распоряжения, отдав частный приказ 68-й резервной дивизии².

Благодаря мерам, принятым командирами дивизий, пошел отход 11-й и 39-й дивизий осуществляется без затруднений и в полном порядке. Слева попрежнему корпус обеспечивается отрядом Вирбеля.

¹ Гран-Куронэ — цепь высот восточнее и северо-восточнее Нанси. — *Прим. перев.*

² Ген. Брен д'Обиньоск.

Что же касается 68-й резервной дивизии, то в 16 ч. 50 м. командующий армией снова передает ее группе резервных дивизий для использования при обороне укрепленной позиции Нанси.

К 14 час. я переносу свой командный пункт на гребень в лесу Желин. Здесь же я располагаю находящуюся в моем распоряжении тяжелую артиллерию. Я остаюсь здесь до наступления темноты, а затем отправляюсь в штаб в Мауйенвик, предварительно отдав войскам следующие распоряжения:

«1. К концу дня 20-й корпус должен находиться и удерживать фронт Марсаль, Арокур-сюр-Сей, северная опушка леса Желин, Шато-Сален, Амлекур, связавшись вправо с 15-м корпусом, удерживающим Мюльсэ, а влево с 68-й резервной дивизией, удерживающей Френ-ан-Сонуа и Жалокур.

2. С вечера укрепиться на вышеуказанной линии; в течение вечера и завтрашнего дня удержать ее, несмотря на атаки противника».

Едва мы успели составить и отослать войскам эти распоряжения, как получаю директиву командующего армией, отправленную из Арокура в 16 час. и гласящую:

«Под прикрытием арьергардов, располагающихся на общей линии Мезьер, Маримон, Донлэ, Жювлиз, Марсаль, Анпон, Френ-ан-Сонуа, 2-й армии отойти в течение ночи для восстановления наиболее пострадавших частей.

Каждому корпусу расположиться в полосе, указанной в приказе № 28, и закрепиться на линии Муссэ, роща Гарен, роща О-де-ля-Круа, гребень Жюврекур, северная опушка леса Безанж и левый берег р. Сей.

20-му корпусу взорвать мосты на р. Сей, как только переправятся последние части.

Главным силам отходить: 16-го армейского корпуса в район форта Манонвилер, Крион, Сионвилер; 15-го корпуса в район Арокур; 20-го корпуса в район Серкей, Пюльнуа».

Нет оснований предполагать, что для 20-го корпуса будет затруднительным держать на месте арьергарды и боевое охранение. Та легкость, с которой совершается отход наших войск, за которыми противник следует самыми незначительными силами, свидетельствует о том, что мы могли бы продержаться всю ночь, а если нужно, то и завтрашний день. В такой обстановке войска собираются приступить к устройству на ночь во исполнение общей задачи 20-го корпуса — при-

крытие отхода 2-й армии. Для этого они должны возможно дольше удерживать предместное укрепление в Шато-Сален.

Но вскоре, в 21 ч. 45 м., командующий 2-й армией сообщает мне из Нанси, где он расположился со своим штабом:

«Очень сильно пострадавший 15-й армейский корпус справа от вас, повидимому, не в состоянии удержаться. Поэтому я считаю, что будет лучше, если вы воспользуетесь этой ночью для отхода».

Как мы видим, по мере того как проходит время, командующий армией, осведомленный о положении некоторых из своих соединений, все больше подчеркивает свою мысль об общем отходе армии.

Опасности и затруднения, связанные с французским наступлением в Лотарингии, предстали перед ним с самого утра 20-го августа, когда он увидел, что 2-я армия не может двигаться вперед, а 1-я армия задержана под Саарбургом. Он понял необходимость изменить образ действий и прежде всего подумать об обороне. Внезапно выйдя из боя утром 20-го августа, он приходит к мысли привести армию в порядок и расположить ее за прочной оборонительной линией. Оттуда он предполагает приступить к выполнению посильной для нее задачи.

Тогда я отдаю распоряжения об отходе 20-го корпуса к югу от р. Сей.

Части армейского корпуса едва успели дойти до этой реки в места расквартирования, указанные им 20-го после полудня, когда до них дошел мой последний приказ. Они немедленно выступили. Несмотря на продолжительный и трудный ночной марш после двух дней ожесточенных боев, главные силы на рассвете около 4 час. утра 21-го августа выходили в район к югу от леса Безанж, а незадолго до 5 час. боевое охранение снова готово было оказывать сопротивление на указанном ему фронте.

История, написанная ныне немцами, указывает, что наступление 20-го августа 1914 г. велось следующими войсками: гарнизоном Меца (33-я резервная дивизия и 53-я ландверная бригада) в направлении на Номени; 10-й эрзац-дивизией, наступавшей из Ромильи на гряды Дельм; 3-м армейским корпусом, наступавшим из Ан-сюр-Нид, Ватимон, Лесс (под прикрытием 8-й и баварской кавалерийских дивизий) на Анокур, Орон, Шато-Брезн; 2-м баварским армейским корпусом, наступавшим из Баронвиль и Моранж на Анпон, Вюис.

Все эти соединения обрушились на группу резервных дивизий и на 20-й корпус, тогда как 21-й армейский корпус, наступавший из Бенсдорфа на Дьёз, Рорбах, 1-й баварский резервный корпус — на Биспинг и 1-й баварский армейский корпус на Лангат, наносили удар по нашим 15-му и 16-му армейским корпусам.

Столкновение было бы очень тяжелым для 2-й армии, брошенной со своими тремя корпусами по труднопроходимой местности, к тому же тщательно подготовленной для обороны.

В сторону Меца армия имела просто боковой отряд, сформированный из частей трех резервных дивизий, частью задержанных на месте и уже сильно растянувшихся.

Утром 20-го командующий 2-й армией правильно оценил обстановку и понял всю ее опасность. Ему и оставалось только прекратить наступление.

Глава третья

20-й корпус во время отхода за Мёрт и контрнаступления

(21 — 28 августа 1914 г.)

Отличное поведение 20-го армейского корпуса во время сражения и последующего отхода внушали мне полную уверенность в том, что возложенная на меня задача будет выполнена. К тому же в течение 20-го августа противник не только не преследовал нас, но утром 21-го наши арьергарды даже потеряли всякое соприкосновение с ним.

Между тем, командующий 2-й армией утром 21-го принял решение отвести главные силы своей армии за р. Мёрт, имея 16-й и 15-й армейские корпуса в первой линии и оставляя их авангарды к востоку от реки. 20-й корпус составлял резерв в районе Сен-Николя. Левый фланг армии надлежало прикрыть позицией на Гран-Куронэ, которую приказано было занять 59-й и 70-й резервным дивизиям, усиленным частью 9-го армейского корпуса.

Так как немцы не проявляли ни малейшей активности, чтобы задержать или хотя бы потревожить отходящие войска, все движения совершались в полном порядке и совершенно спокойно.

Вечером я сам явился к командующему армией в его штаб в Нанси и, доложив ему об отличном моральном состоянии моего армейского корпуса, возвратился в Сен-Николя.

22-го утром 20-й корпус находился в сборе в районе р. Мёрт, имея 11-ю дивизию в Сен-Николя, Варанжевиль, а 39-ю дивизию в Ар-сюр-Мёрт, Ленонкур. В сущности 22-го числа ему не нужно было двигаться с места, но, находясь в армейском резерве, он должен быть в готовности выполнить любой приказ.

Так как 15-й армейский корпус еще в 5 ч. 30 м. донес, что ввиду утомления своих войск он вряд ли сможет оказать сопротивление наступлению противника на правом берегу р. Мёрт, то командующий 2-й армией предложил командиру 20-го корпуса выслать в Фленваль и Антлю авангард для смены авангарда 15-го корпуса.

Поэтому я приказал 11-й дивизии немедленно выдвинуть туда бригаду пехоты с артиллерийским дивизионом.

Незадолго до полудня эта бригада заняла указанное ей расположение. Вечером она была атакована со стороны Кривик баварской бригадой, которая четыре раза подряд пыталась овладеть Фленвальскими высотами. Но наша бригада продолжала удерживать свой фронт. Этим она давала возможности 15-му корпусу отвести свои части.

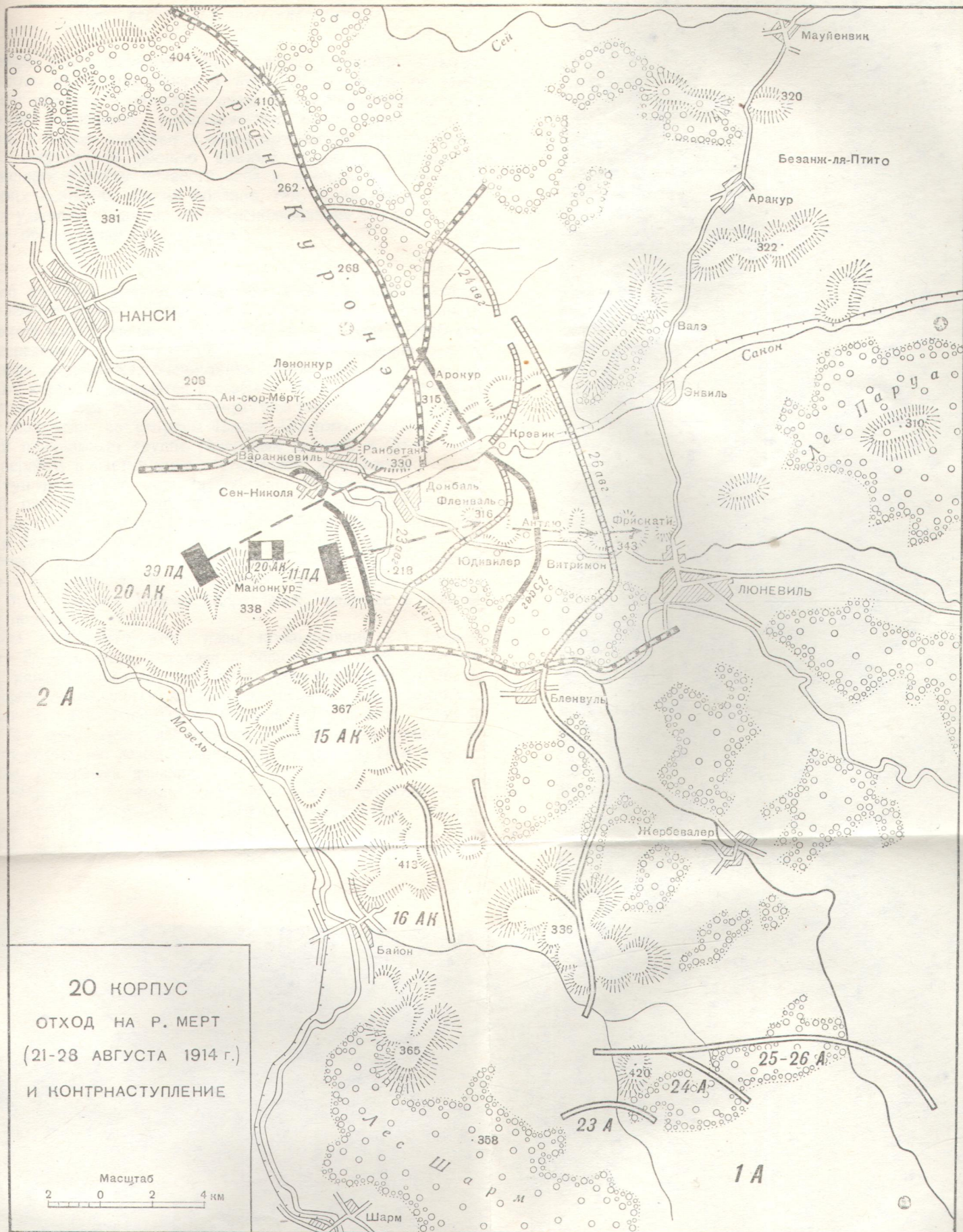
В 23 часа командир бригады¹, выполнивший свою задачу, получил приказ отойти и взорвать мосты на р. Мёрт.

Было ясно, что командующий 2-й армией решил отвести все свои силы на левый берег р. Мёрт, продолжив там линию обороны, идущую по высотам Гран-Куронэ.

23-го августа в 3 час. все части 20-го корпуса находились уже к западу от реки. Штаб был расположен в Манонкур.

Отход 2-й армии закончился на р. Мёрт и у позиций на Гран-Куронэ. Под прикрытием этого, несомненно сильного рубежа сопротивления войска, безусловно, могли привести себя в порядок и отдохнуть. Кроме того, 2-я армия была усилена еще двумя резервными дивизиями. К тому же ввиду нашего быстрого выхода из боя утром 20-го августа и благодаря тому, что противник не преследовал нас ни в этот день ни 21-го, он не добился решающего успеха. Мы же избежали расстройств, которое могло бы принести нам значительный ущерб. Следовательно, наша неудача оказалась вполне поправимой, и мы могли надеяться на возобновление операций в благоприятных для нас условиях. Характер их, как и момент начала, зависел главным образом от действий противника.

¹ Ген. Ферри.

¹ Ген. Ферри.

Теперь перед фронтом 20-го корпуса противник выходит на высоты на правом берегу р. Мёрт. 23-го августа он занят главным образом устройством своих батарей и рытьем окопов и проявляет активность, выражающуюся лишь в двух частных атаках, которые отбиваются огнем артиллерии 20-го корпуса.

23-е августа не прошло бесполезно для 2-й армии; ее соединениям удалось привести себя в порядок и устроиться на своих позициях. Таким образом, ген. де-Кастельно располагает ударным кулаком, метод использования которого будет вскоре продиктован обстановкой.

* * *

23-го августа вечером командующий 2-й армией приказывает левофланговой группе своей армии быть в готовности к переходу в наступление, если обстоятельства того потребуют.

В середине дня 24-го августа получились сведения о том, что силы противника, оцениваемые самое меньшее в два армейских корпуса, двигаются с севера на юг, в направлении на Люневиль. Таким образом, немцы подставляют свой правый фланг под удар со стороны Нанси. Поэтому командующий армией приказывает группе резервных дивизий и 20-му корпусу перейти в наступление в восточном направлении.

Наступление 20-го корпуса, обильно поддержанное артиллерией, развивается беспрепятственно. В 18 час. наступающие части выходят к высотам Фленвиля и Кревикского леса, где я их и останавливаю.

Маневр, проведенный противником днем 24-го августа, раскрыл его замыслы. Выдвинув свои главные силы на Люневиль, он, очевидно, избрал направление, ведущее к Шармскому проходу.

Чтобы расстроить этот план, командующий 2-й армией решает 25-го августа, оставляя в общем весь свой фронт на месте, нанести сильный удар своей левофланговой группой, с выходом ее на шоссе Аракур, Энвиль, Люневиль, которое, повидимому, является путем подвоза противника. Правый фланг 2-й армии будет действовать в связи с 1-й армией.

Наступление на левом фланге возложено на 20-й корпус и группу резервных дивизий.

В первые же утренние часы 39-я дивизия во взаимодействии с 70-й резервной дивизией переходит в наступление севернее р. Санон и отбрасывает противника с высот, что западнее Энвильской рощи. К полудню, ввиду значительного

продвижения 15-го корпуса (справа), я приказываю 11-й дивизии в свою очередь атаковать противника к югу от р. Санон. Завязывается жестокая борьба; все четыре полка дивизии ведут ожесточенные бои и овладевают высотами у Антю и Витримона.

Тем временем усиливается сопротивление противника к северу от р. Санон, где создается непосредственная угроза его сообщениям. Он накапливает там большие силы. 39-й пехотной дивизии приходится выдерживать ожесточеннейшую борьбу к западу от Энвильской роши. Ее правый фланг отброшен в Кревикскую рошу, которая становится ареной упорных боев и к 17 час. переходит в руки противника. Ее левый фланг находится в еще более опасном положении ввиду расстройств 70-й резервной дивизии. Имея оба фланга открытыми — правый ввиду потери Кревикской роши, левый вследствие отхода 70-й резервной дивизии, — 39-я дивизия в 18 час. совершает небольшой отход в полном порядке.

В итоге 25-е августа было тяжелым днем для 20-го армейского корпуса. Очень серьезное и жестокое сражение велось с переменным успехом. Но сильным ударом 20-й корпус расстроил планы противника. Если продвижение и не было значительным на всем его фронте, то во всяком случае он притянул к себе очень крупные силы противника и оказал им сопротивление. Не почувствовал ли противник отсутствия этих сил там, где он намечал прорыв, а именно по дороге на Шарм? Хотя корпус и не добился решающих результатов, но от его действий можно было ожидать серьезных последствий для операции, предпринятой армией «при том условии, что его войска будут держать противника под угрозой новой атаки и будут готовы немедленно приступить к преследованию, уже начатому правофланговыми соединениями армии и кавалерийским корпусом».

Так выразился я вечером 25-го августа, узнав об общих результатах, достигнутых 2-й армией, правофланговые корпуса которой значительно продвинулись вперед.

* * *

Распоряжения командующего 2-й армией на 26-е августа предусматривали развитие успеха, достигнутого накануне ее правым флангом. Ген. де Кастельно приказал продолжать наступление, развивая его «до последних сил». 20-му армейскому корпусу указано было общее направление на Валэ,

Безанж-ля-Птит. Его части, «несмотря на проявленные усилия и понесенные большие потери, сумеют еще развить порыв, необходимый для достижения победы».

26-го августа в 5 ч. 30 м. я со своего командного пункта отдал своим обеим дивизиям приказ продвинуться вперед, «как только будет устранено противодействие со стороны противника»; 11-й дивизии — на Энвиль, 39-й дивизии — на Кревикскую рощу, Валэ.

В 7 час. командиры дивизий отдали приказ о наступлении.

11-я дивизия должна была наступать между шоссе на Нанси и р. Санон, нанося главный удар в направлении на высоты Фрискати, господствовавшие над Люневилем.

Вследствие задержки в артиллерийской подготовке наступление удалось начать только в 12 ч. 15 м. Сначала оно развивалось благоприятно, и части зашли за Витримон. 69-й полк решительно двинулся на высоту Синьяль де Фрискати и закрепился на ее склонах. Но в 13 ч. 45 м. этот полк, пытавшийся спуститься с высоты, попал под сильнейший ружейный и артиллерийский огонь, который артиллерии 11-й дивизии не удалось подавить. В течение трех часов все части 11-й дивизии обстреливались германскими батареями и лишь очень незначительно продвинулись вперед.

Таким образом, положение 69-го полка на Синьяль де Фрискати продолжало оставаться очень опасным. Но ему все же удалось там удержаться.

В то время как 11-я дивизия вела бои к югу от р. Санон, 39-я дивизия, части которой были сильно утомлены предыдущими боями, продвигалась вперед очень медленно и к ночи остановилась. Она сумела выйти только на восток от Кревикской рощи, правым флангом на р. Санон.

Точно так же, ввиду усталости и потерь, понесенных за истекшие дни, 15-й и 16-й корпуса не были в состоянии начать настоящее преследование.

Очень сильно сказывались непрерывное напряжение и недостаток сна. Тем не менее, несмотря на крайнее утомление, моральное состояние 20-го корпуса попрежнему оставалось превосходным. В течение 26-го августа его поведение под огнем было замечательным.

В сражении, продолжавшемся уже несколько дней на всем фронте 2-й армии, и в наступлении немцев, стремящихся выйти на р. Мозель у г. Шарм, наступил перелом. Натиск противника в южном направлении был остановлен. Ему пришлось

вести упорный бой, чтобы защитить свои коммуникации, особенно дорогу из Люневилья в Энвиль, от энергичных атак 20-го корпуса. Теперь нужно было, несмотря на утомление войск, использовать это положение.

Выдвинутое положение 2-й армии по отношению к 1-й позволяет ген. де Кастельно остановиться на сутки, в течение которых войска смогли бы несколько отдохнуть. Он приказывает прочно закрепиться в течение 27-го августа на захваченном пространстве и восстановить порядок в частях для последующего наступления.

* * *

28-го августа 2-я армия должна возобновить наступление в общем направлении на север. 20-й корпус имеет задачей поддержать наступление 15-го корпуса, атакующего Люневиль, и обеспечить выход его на север.

Для этого 11-я дивизия получает приказ в 8 час. атаковать высоты Фрискати и отбросить противника на север. Но вследствие задержки при переправе через р. Мёрт наступление дивизии начинается только в полдень. В течение дня ей удается захватить Синьяль де Фрискати.

Но к этому времени я уже покинул 20-й армейский корпус, так как главнокомандующий приказал мне явиться в ставку для получения нового назначения.

В 12 час. на своем командном пункте в Юдивилер я расстался со своими войсками, передав командование армейским корпусом командиру 11-й дивизии ген. Бальфурье.

Со мной отправился подполковник 5-го гусарского полка Вейган, бывший в течение всей войны моим начальником штаба при всех должностях, которые я последовательно занимал.

Не без глубокого волнения я покидаю доблестные полки 20-го армейского корпуса. В своем прощальном приказе я напоминаю им о их славных подвигах за истекшие дни и о том, что они ни разу не отступали без приказа свыше. В 18 час. я приезжаю в Витри-ле-Франсуа, чтобы явиться к ген. Жоффру.

Выводы, которые я сделал после столкновения в Лотарингии за этот первый месяц войны, были вполне определенными. Несмотря на несомненное численное и техническое превосходство, особенно в отношении тяжелой артиллерии, поток вторжения немцев был задержан. Они даже вынуждены были отхлынуть назад. Наступательный порыв немцев был сломен.

Благодаря моральной доблести наших солдат и офицерского корпуса мы повсюду спокойно и решительно встречали противника и причиняли ему сильные потери.

Хотя мы не одержали таких побед, как под Заальфельдом или Иеней, мы избежали и таких поражений, как под Виссембургом и Фрешвилером, и начали продвигаться вперед. Хотя мы и не разбили левого крыла германских армий, но мы обессилили его и принудили к отходу.

Противник значительно опередил нас в смысле боевых средств, которые он готовил уже много лет. Несмотря на это, на частном театре Лотарингии его натиск был сломен, причем он не смог добиться никакого решительного исхода. Он не смог придать событиям тот быстрый и победоносный темп, которого он ожидал от своего несомненного материального превосходства. Его замыслы провалились, он был вынужден отойти. Его окончательная победа была ныне отложена на неопределенное время. Разве целесообразное использование нашим высшим командованием качеств французской армии не указывает нам возможности пресечь попытки противника на всем фронте и оспаривать у него окончательную победу, которую он мог бы одержать благодаря временному перевесу в силах и средствах путем согласованного и стремительного общего наступления? Разве постепенное усиление, которое обеспечивается нашими резервами и нашей промышленностью, не говоря уже о силах наших могучих союзников, не позволяет предвидеть, что наступят дни, когда счастье окончательно повернется в нашу сторону?

К тому же в руководстве военными действиями в Лотарингии германское высшее командование проявило несомненную неуверенность. Несмотря на тщательную подготовку этого театра и на превосходство сил, которыми оно здесь располагало, оно не попыталось дать на нем оборонительное сражение с решительной целью, как могло бы сделать, позволив нам продвинуться в глубь страны и только затем контратаковать нас своими сосредоточенными силами. За нашим быстрым отрывом от противника 20-го августа последовало с его стороны пассивное преследование. А когда командование противника решило перейти в энергичное наступление, то оно наметило прорыв нашего фронта на узком участке Шармского прохода, пренебрегши нашими силами, расположенными на р. Мёрт и на Гран-Куронэ. Вследствие нашего

наступления во фланг немцы оказались не в состоянии прорвать наш фронт и даже удержать выигранное пространство. Они отошли. Под влиянием того же наступления во фланг они испытали Моранж наизнанку.

С более общей точки зрения можно было констатировать, что при новом вооружении, характеризующемся автоматикой и большой дальностью, сила обороны смогла сдерживать ударную силу наступления достаточно долго, чтобы позволить обороняющемуся действительным образом перейти к контр-наступлению. Оказалось, что в мешках — этих отдельных выступах линии фронта на местности, образованных неравномерным, но казавшимся успешным и решительным наступлением, атакующий, несмотря на большие жертвы, не в состоянии удержаться до того момента, когда он мог бы до конца развить первоначальный успех для завершения прорыва обороны противника.

Хотя обороняющийся и был вынужден под давлением превосходных средств отводить свой фронт назад, этот фронт все же не был прорван, а его фланговые контратаки поглощали резервы наступающего противника и создавали угрозу коммуникациям последнего. Этим обороняющийся останавливал продвижение атакующего и вынуждал его к отходу.

Это дает много поводов для размышлений о пределах и слабостях победоносного в тактическом отношении наступления, которое ведут, пренебрегая принципами, вытекающими из нового вооружения. Более чем когда-либо необходимо было теперь правильно оценивать возможности, создаваемые определенными обстоятельствами, и серьезно изучать обстановку.

Так как мы остановились под Моранж, не ввязываясь в бой и, тем более, нерасстроенные, германское командование сочло это за свой успех. Немцы бросились в наступление, дерзнув предпринять движение в южном направлении, на Мозель, несмотря на сопротивление, оказанное нами под Нанси на западе и в Вогезах на востоке. Им пришлось отойти, не дойдя до Мозеля у Шарм.

Превосходство средств внушило германскому командованию пренебрежение к противнику и самоуверенность. Но и здесь они победы не достигли. Разве это не было прелюдией к сражению на Марне?